

**СЛЕПАК
НАДЕВАЕТ
КОЛПАК**

**АЛЕКСАНДРА
МЕДВЕДКИНА**

Александра Медведкина
Слепак надевает колпак

«Автор»

2026

Медведкина А. В.

Слепак надевает колпак / А. В. Медведкина — «Автор», 2026

Десятиклассница Рита едет в подмосковный Апрельск, чтобы навестить больную бабушку. В поезде она встречает Марка — парня, который утверждает, что они давно знакомы, вместе путешествовали по Дельфинате, стране снов, и что Рита была его проводником. В Апрельске реальность начинает трещать по швам. Бабушка разговаривает с покойным дедом по телефону, в доме появляются призраки, а Марк втягивает Риту в компанию художников с Восточной окраины — сновидцев, как и — она сама. Художники ищут способ победить Слепака — чудовище, которое «расплетает» души, превращая людей в пустые оболочки. Опасность смертельна: если ты знаешь о Слепаке, Слепак знает о тебе. Чтобы вернуть себе память и помочь Марку спасти отца, Рите придется нырнуть в подводный колодец Дельфинаты и встретиться лицом к лицу с собственным страхом.

© Медведкина А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шутка	5
Глава 2. Клад	16
Глава 3. Речная, 37	21
Глава 4. Дом творчества	29

Александра Медведкина

Слепак надевает колпак

Глава 1. Шутка

Шлюзовой район порос серыми многоэтажками, на горизонте громоздились яруса облаков, похожие на перевернутые водопады. Хотя вокзал еще оставался светлым пятном, дальние улицы накрыл темный дождевой колпак. Далеко справа, там, где поросшие желтой травой пустоши с опорами ЛЭП выходили к берегу реки, небо взорвалось громовым раскатом, и город подпрыгнул. Рита представила: где-то вылетели стекла из окон, погас свет. С самого утра что-то пошло не так. Как будто встала не с той ноги, окружающее казалось незнакомым, вывернутым наизнанку. А вечером они оказались на вокзале.

В открытые окна машины дул мокрый ветер с Волги. Рита не слышала, о чем говорили родители, но, догадывалась, что обсуждали поездку. В гости к бабушке – как к волку в брюхо. Обычно в дороге она читала или слушала плеер, но тогда моргание светофоров и хлопающий шум вытеснили все мысли из ее головы.

Снаружи было тепло и сыро, сильно пахло креозотом. Особый вокзальный мандраж был в шипении тормозящего поезда, в шарканьи бегущих ног. Родители поднимались по ступенькам на холм, где стояло здание вокзала, Рита плелась следом. Темное небо так широко раскинулось над городом, и почему-то ей хотелось остаться тут, на ступеньках. Смотреть вверх, задрать голову, и ждать: что будет?

На перроне мать, маленькая, кудрявая, стянула у горла воротник плаща. Ветер раздувал полы, превращая ее в воробья, застигнутого непогодой. Отец курил, зябко прижимая локти к бокам. Они о чем-то спорили, а Рита все смотрела на поезд. В окнах его было темно, хотя он пришел из Самары уже с пассажирами, и здесь ему предстояла долгая стоянка и посадка.

В голове вагона появились затянутые в серое проводники. Лязгали откидные подножки. Рита пыталась рассмотреть в окнах людей, которые уже заняли свои места в вагоне. Надеюсь, что у нее будут хорошие соседи.

Отец оттянул рукав джемпера и посмотрел на часы: «Задерживают посадку».

— Может, не надо было все-таки так торопиться, — мать хмурилась, — Не нравится мне, — она повернулась к Рите, — что ты одна едешь.

— Будь умницей, — сказал отец, а мать уже совсем расклеилась и прижимала к губам платок; Рита помнила, что ее апрельская бабушка тоже такая: глаза на мокром месте, что встреча, что проводы.

Наконец, у дверей вагона появился молодой проводник с тяжелыми веками. Загадочное существо, чисто персонаж кошмарного сна. Она тут же нашла для него имя: «Крючкотворец», он бы работал, — дайте его только Рите в руки, — в огромном пустом здании, похожем на заброшенный завод. Составлял бы документы на мертвых языках, «договор на души», что-нибудь в этом роде. Серое было ему к лицу.

Тут отец подхватил Ритину спортивную сумку, мать сунула ей в руку паспорт с билетом.

Впереди стояло еще несколько человек, под ногами у всех путалась маленькая черная собачка. Когда проводник вернул Рите билет, — глаза у него были просто топи, мутные топи, прекрасный крючкотворец из него бы вышел, — она толкнулась к отцу, выцарапала из его руки ремешки сумки и вошла одна. Долгие проводы — лишние слезы.

В вагоне было темно, как в кино перед началом сеанса. Узкий проход, ряды сидячих мест, белеют косынки подголовников. Пахнет духами и пбтом, от запаха синтетической обивки

щиплет в носу. Свет горит только в тамбуре и все удаляется по мере того, как Рита продвигается к своему месту. Впереди по проходу, по-медвежьей переваливаясь, шаркают люди-тучи.

Ее место в конце вагона, билет отец взял в последний момент. Место у окна уже занято. «Почему не включают свет?»

Протащив по полу объемную спортивную сумку, Рита ногой отпихнула ее с прохода и шлепнулась на жесткое сиденье. Дернула язычок «молнии» ветровки.

Ее сосед проснулся. Заметил, что Ритины родители пляшут у окна, спросил, не хочет ли она пересесть. Они поменялись. Желтые шторы были заткнуты за металлический прут, стекло запотело, как кувшин с лимонадом. Рита протерла его рукавом. Ветер усиливался, гонял по перрону фантики и окурки. Рита помахала родителям: «Идите, идите!»

Свет в салоне все не давали; народу снаружи прибавилось, вечерний сумрак забурлил.

Что-то такое снилось ей вчера Автостанция или взлетное поле, пылающие точки далеких огней. Осталось ощущение простора, сумерек, ледяного ветра. Точнее теперь было не вспомнить.

В кармане ветровки зажужжал телефон. Порывы ветра рвали голос матери, он то исчезал, то вспыхивал в динамике:

— Приедешь — напиши! Сразу! Хотя два слова: как бабушка?

— Ладно! — Рита повысила голос, — конечно, напишу!

— аменское! — мать утонула в помехах.

— Что?

— Езжай прямо до Выхино, а то запутаешься! Не надо через Раменское!

— Мам, я разберусь! Не волнуйтесь, я помню!

Отец взял у матери трубку: — Я тебя люблю, маргаритка. Если что, сразу звони.

Рита прижала ладонь к стеклу: — И я тебя!

Она помахала им: «Уходите, уходите!», но они остались ждать, курочка и журавль, полные беспокойства. Снаружи еще прибавилось народу, синий сумрак забурлил. Наконец, под потолком одна за другой вспыхнули лампочки, Рита закрылась от света рукой. Когда снова посмотрела в окно, уже не нашла родителей в толпе провожающих. Отражение превращало ее лицо в туманный череп с провалами глазниц.

От очередного громового раската вокзал загудел, и сразу дождь зашумел так плотно, что утонуло все: город и станция, протянувшиеся в туман рельсы. Автозаводск соскользнул в глубокий подводный сон. В вагоне стало влажно, сильнее запахло рекой. Проводник просил провожающих покинуть вагон.

Поезд дернулся. Поползла платформа, огни, все быстрее. Пролетели мимо и соскользнули в серую муть вывески магазинов, светившиеся сквозь дождь. Родители были теперь далеко. Может быть, они все еще шли, то и дело оборачиваясь, к маленькому перевалу через вокзальный холм. Скоро они добредут до стоянки и сядут в такси. Им помигают вечерние фары, красные, белые искры в темном потоке. Минут через сорок они будут дома. А Рите всю ночь вариться в грозном брюхе. В первый раз едет одна, теперь ничего уже нельзя изменить, если отказываться — так надо было сразу. С другой стороны, — разве она могла отказаться?

С верхней полки пополз огромный туристический рюкзак соседа, и он вскочил, успел подхватить. Затолкал обратно. Рита предложила пустить его к окну, но он сказал, что она может остаться. Это было здорово. А сосед оказался примерно ее возраста, класс одиннадцатый. Его плащ-дождевик свисал с маленького крючка перед Ритиным лицом. На соседе был черный джемпер, джинсы и кеды-селедки. Он здорово напоминал щенка овчарки: уши торчком, готов играть, бежать, кусаться. Рита поспешно вынула из сумки шоколад и газировку. Сунула их в карман на чехле переднего сиденья.

— Закиньте мою тоже, пожалуйста.

Он молча поднял ее сумку, пристроил на колени, и замер, задумался. Наклонился к ней.

— Ри-та, — отдельно пробормотал. — Я тебя не узнал сначала.
Собственное имя стукнуло ее по лбу.

— Типа привет? — он ждал ответа.

Мальчишечье лицо казалось знакомым. От его джемпера пахло печеньем и табаком; запах почему-то напомнил Рине о доме. О темной прихожей, где на полке над зеркалом лежат летние панамы, зимние шапки, а с крючков свисают куртки и невесомые мамины шарфики. Где она его видела?

— Не узнаешь?

Он нахмурился, а Рита медленно покачала головой.

— Извини. Нет, не знаю.

Казалось она попала в странный, тревожный сон, где правила сбиты, все идет чуть-чуть не по-людски. Конечно, все это сон: мрачная история с бабушкой, из-за которой она оказалась в поезде, гнетущая атмосфера вокзала, накрытого грозой. Если бы можно было остаться дома, провести лето с книжками и радио, она бы так и сделала. Но бабушка звонила и звонила: «Когда ты ко мне приедешь?»

Лязг туалетной двери за спиной и резкий запах хлора уничтожили гипотезу: это был не сон.

— Ладно, — сказал мальчик, — проехали.

Гроза над Автозаводском продолжала бушевать. В окне показался темный поток, поезд загрохотал по мосту через Волгу. Окажись тут сейчас какой-нибудь заблудившийся ОМик, наверное, его тут же проглотил бы какой-нибудь водоворот, он пропал бы навсегда, как в Бермудском треугольнике.

Ритин сосед так и остался сидеть с краю. По странному стечению обстоятельств оба они ехали в Богом забытый подмосковный городок, Апрельск. Он значит, из Самары, Рита — из Автозаводска. Его звали Марк. Марк Буранов. Он был курносый, черноглазый. Его худоба как будто происходила от его чрезмерной подвижности: Марк вертелся на месте, оглядывался, из его карманов доставались проволоки, цепочки и магниты, все это скреплялось друг с другом в невероятных комбинациях. Казалось, Марка донимает внутреннее электричество, и, если он не поделится им с маленькими вещами, прыгающими в его пальцах, это электричество сожжет его самого. Голос у Марка давно сломался, но, когда он волновался, его голос подлетал, становился почти детским.

«Обожаю паршивую погоду», — поделился Марк. — А ты?

— Ну да, может быть.

Марк устало откинулся на спинку сиденья. Когда проводник проверил билеты и бесшумно вернулся в начало вагона, Марк качнул к Рите голову, и уточнил, как бы между прочим, будто они на этом и остановились: — Ты пошутила, да? Насчет того, что ты меня не знаешь.

У него был знакомый голос. Но никаких воспоминаний этот голос из памяти не вытягивал.

— Не пошутила. Ты путаешь меня с кем-то, — Рита посмотрела ему в глаза, и он с готовностью устоялся в ответ. — Я живу на Молодежном бульваре. Хожу в 24-ю школу.

Рита ждала, что он скажет: и правда, обознался. Или, например: живет там-то, ходит в 13-ю, назовет общих знакомых, что-нибудь в этом роде. Тогда она, может, вспомнит, где его видела.

— Так, — сказал Марк, — ну, допустим. Ты тоже выглядишь как будто немного по-другому. Мелковато, — он дернул подбородком: — сколько тебе лет? Тринадцать?

Тут Рита сказала, что это не его дело, отвернулась. Шарахнула дверь тамбура, приветливо обдав их запахом мочи и хлора. Марк высунулся в проход и обежал взглядом вагон.

— Это не смешно, — он нервно тер подбородок, — вообще, это настолько плохо, насколько может быть...

Рита устало ткнулась виском в холодное стекло. Скосила глаза на соседа: его лицо обиженно твердело.

Он снова на нее уставился. В серых глазах светился ужас.

— Забыла меня? — шипел он, — ты серьезно? Это же капец!

Марк говорил, как старый друг, как человек, которого знаешь всю жизнь; но, если бы он не представился, Рита ни за что не угадала бы, как его зовут.

— Слушай, что ты хочешь? Если ты знаешь меня Когда вот мы с тобой в последний раз встречались?

Он выдохнул. Лицо его как-то стянулось, уши торчали, на лбу поблескивал пот. Он оттянул ворот джемпера. Уставился в спинку переднего сиденья.

— Так. Ну, это легко. В ночь. С пятницы на субботу. Лапантом. Потом берег и катер, — Марк повернулся, его взгляд вцепился в Ритины зрачки. — Ну?

Рита совершенно не понимала, о чем он говорит, и, в то же время, название было знакомо. Ночной безлюдный берег и большой прогулочный катер — тоже. Откуда?

— Ла-пан-том, — едва слышно повторил Марк, и она запаниковала. Странное ощущение ломоты в затылке, просачивающейся боли, перешло в озноб.

— Перестань!

Нет, не стоило садиться в этот поезд. Нельзя было вписываться в эту затею.

— Попробуй вспомнить, — в голосе Марка было отчаяние, будто пришел он домой, а его там не узнают, его жизнь разрушена, и куда же ему теперь идти.

Она отвернулась. Тряский сумрак несся за окнами. Снилось ведь вчера что-то перед поездкой на вокзал, правильно? Простор и ночь, и взлетное поле. Так. А ночью — до того? С пятницы на субботу?

Небо над городом подергивали молнии. Форточки были закрыты неплотно, и от окон тянуло кислым металлом и сочной ночной влагой.

Что бы ни было там, сны — это только сны. Были взлетные поля в крошечке посадочных огней. Ветер. Никаких мальчишек, никаких катеров.

— Лапантом, — пробормотал Марк.

Рита закрыла глаза.

если закрыть глаза, можно увидеть длинную ленту пирса и белые, похожие на уснувших чаек, катера на черной воде. Вдалеке виден белый каменный хребет Подиума, моста, протянувшегося в бесконечность вечной ночи.

Тряхнуло. И Рита вместе с поездом рухнула в пропасть. Темя загорелось холодным огнем. Она вцепилась в подлокотник.

«Ла-пан-том...»

Собственные слезы удивили и напугали ее. Но приглушенный свет, жесткие сиденья, дребезг и стук колес постепенно возвращались на место.

— А-а, — лицо Марка оттаяло, — значит, не все потеряно? Что-то у тебя там осталось? — он постучал себя по лбу указательным пальцем.

«Тогда было не летное поле, — Рита пыталась найти сон, вспомнить. — Там были такие деревянные мостки». Она вспомнила слово: «причалы».

— Где это? Что такое Лапантом?

— Это ты должна знать, где это!

Поле и самолеты, причалы и лайнеры — по-настоящему это было неважно. Потому что по-настоящему вчера Рита была дома.

— Я была дома, — Рита смотрела укоризненно. — Дома, с родителями. Мама помогала мне собирать вещи.

— Ну нет, — сказал Марк, — ну нет! Нет, нет, нет, нет!

— Да иди ты к черту, — она поднялась в кресле, высматривая свободное место.

— Стой-стой, — он ухватил ее за локоть. — Боже! — передернулся, будто его колол дурацкий шерстяной джемпер, — ну, извини, ладно? Извини! Не помнишь, ну и черт с ним.

Она замерла, пальцы вцепились в спинку переднего кресла.

— Это просто шутка. Я хотел с тобой познакомиться, — Марк старался говорить тихо, — просто шутка. Мы не знакомы. Идет? — он потянул ее локоть, чтобы она села на место. — Мы ни-ког-да не виделись раньше. Вообще!

Рита оторопело смотрела на него.

— Шутка?

— Да! — из-за его вежливой улыбки проглядывал ужас, — ехать долго, почему не познакомиться? — он нервно облизнулся. — Ну, прости, тупо придумал.

— Но а мое имя?

Марк вжался в сиденье, лицо сморщила улыбка, гримаса: — Угадал? Просто угадал. Я отлично умею угадывать. Я не знал, как тебя зовут.

Рита покачала головой.

— Ты чокнутый. Псих.

Хорошо бы пересесть, все-таки. Можно попросить проводника. Марк уйдет в туалет, она найдет проводника и попросит найти для нее другое место.

— Да нет. Угадал как Гудини, да? Как Дэвид Копперфильд, — его ладонь раскрылась для рукопожатия. — Ну, че. Приятно познакомиться, Рита.

Пирсы, катера он просто *шутит* — как умел, так и шутил.

— Все нормально? — Марк звучал участливо, как продавец услуг по телефону.

— Да, все Ладно. Только давай больше без шуток.

«Ну, а Лапантом?»

Это могло быть место из фильма, какого-нибудь киностарья 80-х. Воображение предложило образ-иллюстрацию: на экране вид сверху, камера поднимается над исполинским белым мостом, пронзившем ночь. Дальше – пирс, катера.

Да, и вообще, какая разница? Главное, как здорово, что они с Марком, все-таки, незнакомы. Если бы он оказался прав, это значило бы, что Рита забывает людей, родителям надо показать ее врачу.

Марк оставил ее в покое, отвлекся на телефон, писал кому-то сообщение. Рита поглядывала на него тайком. Спокоен, сосредоточен, нормален. Дописав, он убрал серенькую «Нокию» в карман. Зевнул, потянулся.

— Давай пока выберемся из этого закуточка? Сходим в вагон-ресторан. Выпьем кофе.

Его голос нервировал ее; то звучал высоко, то уходил куда-то за ребра. Может, Марк и правда «того», псих? Рита представила, как он распахивает перед ней дверь тамбура и пинком выталкивает ее из поезда в грохот, дождь, обрыв, перелом основания черепа.

Она улыбнулась, не размыкая губ: — Спасибо, лучше не надо.

— Кофе с кексами, ну? Умрешь же со скуки. До ночи, — обвел рукой пространство вагона, — куча времени. Да пойдем!

В окне поезда показалась широкая река, поток ртути. Поезд загрохотал по мосту через Волгу. Рита ни разу не видела на этой реке кораблей, за исключением маленьких прогулочных катеров. Катера по реке ходили.

Но вот чтобы большие грузовые корабли, или, скажем, лайнеры, огромные плавучие здания, как на акватории ночной стороны Лапантома

Во рту пересохло, закружилась голова. Марк уже стоял в проходе и дожидался ее. Рита медленно поднялась, держась за спинку переднего сиденья. Пошатываясь от скорости, которую набирал поезд, они двинулись к выходу из вагона. Марк открыл двери тамбура и пропустил ее вперед.

— По правде, — сказал он, — я надеялся в этом поезде встретить девчонку. Подругу. Мы с ней договорились, что поедем вместе.

Рита оглянулась.

— И что? Типа, ее зовут как меня?

— Типа да.

Проходы вагонов-купе были укрыты ковровыми дорожками, в каждом вагоне — другого цвета. Марк обогнал ее. Его кеды оставляли следы на разноцветных ковриках, и Рита подумала, что коврики, наверное, жутко трудно стирать после каждого рейса. Или, может, их стирают в огромных промышленных прачечных. Ей представились серые дворцы-прачечные где-то за депо: от гигантских труб идет пар, пахнет креозотом и стиральным порошком

— она обожает шоколадные кексы, — рассказывал Марк, — и гулять по всяким странным местам.

За лязгом дверей и треском голосов его слова долетали до Рины обрывочно.

Здорово, наверное, иметь друзей и гулять с ними по странным местам. Может быть и здорово, да. Видеть что-то новое вместе и потом говорить об этом, вспоминать.

— Но самое смешное — это Музей Древностей, — Марк оглянулся на Риту: слушает она, нет? — Если, конечно, успеешь перебраться через пустыню. Ну, и «смешное» не в том смысле, что там весело... А в том, что физика пространства такая неочевидная, — и он покрутил пятерней, показывая взболтанную, неочевидную физику.

А пол под ногами Рины снова заходил ходуном. Она ухватила за поручень, попавшийся под руку. В темени, прямо у макушки, пульсировала тупая боль.

«Что, что ты делала вчера? Где ты была?..»

Она сверилась с внутренним календарем. В пятницу сдала последний экзамен, в субботу гуляла по изжаренному солнцем центру Старого города, заходила в магазины, сидела на лавочке в парке, думала о бабушке и об Апрельске. Представляла, как поднимается по лестнице на пятый этаж, звонит в квартиру бабушки; дверь открывается, на лестничную площадку падает свет, брякает дверная цепочка: «Кого тебе, девочка?»

В воскресенье — собирала чемодан.

— она, — эта моя подруга, — вечно теряется во всех этих коридорах, на всех этих лестницах. А еще там есть «Зоологический сад», но на самом деле это не только сад.

Очередная дверь за их спинами захлопнулась, по длинному телу поезда прошла железная дрожь. Холодная капля мазнула Риту по затылку и заскользила по шее.

В Зоологическом саду необычайно высокая влажность, поэтому там иногда вдруг начинает идти дождь, капли сыплются из ниоткуда, конденсируясь в туманном воздухе...

— Стой, — Рита остановилась. — Хватит! Я ничего об этом не знаю! Не рассказывай мне Я, — она запнулась, не зная, как объяснить, — я не смотрела это кино, я не фанат ролевых игр, или во что вы там играете! Я ничего про это не хочу знать.

Марк замолчал. Они продолжили путь в вагон-ресторан, и для Рины поднявшаяся тревога превращала окружающее в кошмар. Пальцы заледенели, макушка жужжала, будто внутри работал мотор. Некоторые пассажиры выглядели странно: не люди, а горы одежды. Чучела, набитые ватой. Чудовища.

О чем говорил Марк? О книжке, о компьютерной игре? Или парк аттракционов у них какой-нибудь чудной в Самаре? И, главное, почему сама Рита так дергается?

Казалось: если она поймет, почему — сойдет с ума. Не надо трогать это; не надо об этом говорить.

В вагоне-ресторане было пусто и сумеречно, как в аквариуме. Светильники на столах тлели под тусклыми колпаками, от окон веяло холодом. Рита и Марк забрали хот-доги и шоколадные кексы на стойке, чуть позже девушка в белой блузке с логотипом в виде крылатого колеса принесла кофе. Они устроились за столиком по ходу поезда. Рита сдвинула желтую шторку с рисунком Жигулевских гор: за струями, косо секущими стекло, угадывались крыши деревенских домиков, квадраты огородов.

В окне отсвет молнии выхватил из темноты желтое поле, черный лес. Марк огляделся и пригладил волосы. Вместо того, чтобы лечь, они наэлектризовались и встали дыбом, как у Эйнштейна с известного фото. Рита так ему и сказала.

— Ну, я, скорее Никола Тесла, — он зашуршал оберткой, — который поссорился с молниями. Меня бьют током холодильники и люди.

Она не знала, что говорить, но Марк был из тех, кто может болтать за двоих.

— Если молния бьет в какой-то предмет, она сжигает черта, — онжевал и поглядывал на нее поверх бутерброда, — мне дед говорил. А ты веришь в такое?

В окне короткий отсвет молнии окатил черный лес.

Рита покачала головой, но тут же вспомнила, конечно, стародавние апрельские приметы: «не стриги ножницами в воздухе», «не шей на себе», «веник ставят метелкой вверх».

— Старики еще не такое расскажут!

Рита подозревала, что ее так штормит из-за выдумок Марка неспроста. Этим утром она как будто открыла глаза в чужом теле, как кафкианский Грегор Замза, пробудившийся после беспокойного сна в теле отвратительного таракана.. Может, ее вымотала подготовка к экзаменам. Или передалась тревога родителей из-за последних звонков бабушки. Ее сейчас запутала бы и самая бестолковая цыганка с двойкой по гипнозу, самый безалаберный мошенник.

На широкоформатном экране, развернутом внутри черепной коробки, Рита зачарованно наблюдала одинокие белые корабли и кроваво-красные, маленькие баржи, в мертвой тишине проходящие мимо ночного пирса:

«Ла-пан-том» Непонятно было, что это за воспоминание, настоящее оно или нет. Что-то вроде корочки над болячкой: маленькая твердая шляпка, но, если содрать, под ней окажется глубокая дыра. Нет. Лучше не трогать.

— Ты едешь в Москву? — спросила Рита, чтобы отвлечься от навязчивых картин, — что делал в Автозаводске?

Марк опустил хот-дог на поднос: — Ну, не знаю. Ты же не хочешь слушать про по-настоящему важные вещи.

— Про музеи и сады? — она подняла брови. — А у тебя только это на уме?

Он пожал плечами: — Может, поговорим о кино, или там, о музыке?

— Нет, расскажи про себя. Куда ты едешь, к кому?

Марк погримасничал, дожевывая. — Ну дело, в общем, такое Еду в Апрельск, к деду с бабушкой. Мой отец пропал, и, пока он не найдется, я буду жить с ними.

— Пропал? В смысле, ушел?

— Не так, как уходят другие отцы, — Марк потянулся за стаканом, — он не бросал меня, а исчез. Я думаю, он сорвался в Апрельск, чтобы встретиться с дедушкой.

Марк задумчиво покачивал стаканом, глядя в темную гущу.

— Но не встретился. Дед говорит, что они о встрече не договаривались, и, типа, он вообще он ничего не знает — Марк не сводил с нее глаз, смотрел доверительно и прямо, как будто они не раз уже обсуждали все это, — так вот, это вранье.

«Апрельск, — городок представился ей панорамой, будто она парила над маленькими домами и широкой дугой реки, — вот как... Могла я там его видеть?»

Кажется, это подошло бы. В Апрельске Рита могла случайно когда-то встретить Марка. Мимолетно. Может, он внук какой-нибудь бабулиной подружки; виделись лет пять назад, она его не запомнила. Почему-то. А он ее запомнил? Ну, может, она сделала что-то неловкое, чашку на себя опрокинула, — вот, он запомнил: это Рита. Теперь решил разыграть.

— А твоя мама?

— У меня нет мамы.

Рита пожалела, что спросила. Тронула стакан, опустила глаза. Покраснела. Черт дернет ведь за язык

— Ну, а ты? Что, просто решила прокатиться в гости?

Тут ей пришлось рассказать, что едет не совсем по своей воле. Ее родители не могли этим летом уехать из города, а бабушку уже давно пора было навестить.

— Мы сначала не придали значения. Но это у нее уже через раз, и так, типа, на полном серьезе. Ей звонят друзья из прошлого. То есть, она считает, что звонят.

Марк кивал, а потом поднял брови: что это значит? Пришла Ритина очередь смущаться.

— Они все умерли давно. Папа думает, у бабули деменция. А мама считает, что бабушка нас обманывает.

— Может, твоей бабуле просто одиноко? — предположил Марк. — Может, она хочет, чтобы кто-то приехал в гости?

— Хорошо бы

Рита надеялась, что мать права, а отец ошибается. Но, когда она бродила одна по аллеям парка в Старом городе, все ее мысли были только о том, как бабушка встретит ее.

Марк смотрел теперь куда-то за Ритино левое плечо, как будто там, за тускло светившейся витриной, стоял пьяный бармен с дрожащей рукой, и Марк с ним взглядом о чем-то мужском, тайном и несказуемом, переговаривался.

Рита сбросила кеды и устроилась на сиденье по-турецки. Марк стянул джемпер, под ним оказалась черная футболка с оскалившимся зеленым зомби; Рита узнала талисман британской хэви-метал группы Iron Maiden. Ее дорожная лихорадка поутихла, лицо перестало гореть и тревожный, колючий ком сполз в низ живота. Сидеть так, в темноте, пить кофе в тепле, пока за окнами шпарит гроза, было тревожно, но и по-особенному уютно. Марк ел с аппетитом, и ей казалось, они двое встретились на космической станции, в сердце большой галактической транспортной развязки. Такая короткая встреча перед эпичной битвой с темными силами.

— А что, это твоя мама, получается, оттуда? — чтобы не заляпать джинсы, Марк держал бутерброд над салфеткой. — Апрельчанка?

— Ага.

Запах «поездного» бутерброда напомнил ей о новогодних закусках, которые готовила мама когда-то очень давно.

— До школы, и еще в первом классе меня отправляли к бабуле на все лето, но потом такого уже не было. Я с тех пор не ездила к ней.

Мимо их столика к стойке прошла пара. Мужик в белой рубашке с закатанными рукавами выглядел как «хозяин жизни», лицо у него было обрюзгшее, но двигался он легко, как спортсмен. Его дама была одета скромно, держалась скованно; Рита решила, что, может, они познакомились только что. От «хозяина» несло одеколоном. Его дама села за столик, а он прошел к стойке. Раздраженно полистал барное меню, попросил пятьдесят граммов коньяка. Официантка с крылатым колесом объяснила, что сейчас есть «Балтика» и «Жигули», а крепкого алкоголя нет, но он и слушать не хотел.

Марк смотрел на мужика со смесью неприязни и тоски.

— Пряма как мой батя...

Ветер забрасывал окна водяным зерном, ночь расплывалась по стеклу. Марк поднялся.

— Будешь еще кофе?

Рита покачала головой, в Марк пошел к стойке, заговорил с мужиком. Кажется, спрашивал, куда тот едет, всякое такое. Он вернулся с двумя стаканами. Упал на сиденье, широким движением отодвинул пустые стаканчики.

— Я всю жизнь с отцом, — сказал он, — пару лет назад он сошелся с коллегой. Они поженились. До этого он просто был, знаешь, как говорят, «женат на работе». Он не любитель поболтать, — Марк усмехнулся, — это довело нас с ним до беды.

— А отец пропадает по объектам, — Рита поскребла ногтем край стакана, — он строитель, инженер. Приходит домой поесть. Мы с мамой нормально ладим. В детстве так вообще. Даже ходила с ней на работу... — она махнула рукой. — Но это не интересно.

— Да нет, я знаю, — Марк тронул ее руку, кольнув электричеством, — про это я знаю как раз.

Рита дернулась, не успев осмыслить: — Чего?

Марк помолчал секунду и выпалил: — Она подрабатывала, мыла полы, и ты ходила с ней!

Бах! Вагон затрясло, сиденья загорелись синим, белые пятна скатертей ослепляли. Все вокруг сделалось невыносимо ярким, зернистым.

— Ты мне рассказывала! Когда она мыла полы в машинном зале в центре ЭВМ, ты кормила духов пустого бассейна.

Рита зажала уш ладонями; внутри стоял такой звон, за которым непременно следует глухота.

— Замолчи!

Но было поздно. Марк, очевидно, перешел какую-то черту. Сделал что-то, чего делать было нельзя. Содрал «болячку», и под ней обнаружилась, раскрылась черная бездонная дырочка. Лучше бы они остались по-настоящему незнакомы.

— Прости.

Образы, вспыхнувшие в ее памяти, были обрывисты: пустой бассейн, приземистое задние, бронзовая статуя рабочего в монолитных штанах. Старая мамина работа. Старая работа. Ничего особенного.

— Я тебя никогда не видела! — шептала Рита. — Я тебя не знаю. Это было детское воспоминание! И какие еще духи

Бегущий сквозь ночь поезд казался ненастоящим. Марк казался ненастоящим.

— Может быть, ты все вспомнишь в Апрельске, — его голос звучал виновато.

Сквозь затихающий звон в ушах прорвался каркающий кашель. Взгляд Марка соскользнул с Ритино лица. Она тоже обернулась. Печальной женщины уже не было за столиком, а «хозяин жизни» снова требовал пятьдесят граммов.

Когда Рита очнулась от оцепенения, перед Марком стоял новый стакан кофе, парок вился над краем. Казалось, они едут так уже несколько часов. Если Лапантом и катера, Музей и Зоологический сад казались местами из забытого фильма, то мамины подработки в центре ЭВМ точно не были взяты или кино или изобретены Марком. Это точно было в прошлом. Выходит, когда-то, где-то, они двое были знакомы. Если допустить это, просто допустить на секунду

— Значит, это мы? — Рита подняла глаза, — это мы с тобой договорились встретиться в этом поезде?

Марк медленно кивнул. Серые глаза почти победно блестели: может, он еще опасался, что Рита может пойти на попятный, но, во всяком случае радовался, что она уже допускает: они были знакомы.

— Капец как я испугался. Надо было сразу сказать тебе про машинный зал! Ты меня чуть не убила, Рита!

Она сидела, закрыв лицо руками.

— Так, — он спешил закрепить ее новую уверенность, пока она не испугалась, не увильнула снова, — почему мы договорились встретиться, да? Надо сказать Потому что ты обещала мне помочь!

Рита убрала руки, подняла голову.

— Ты обещала помочь мне найти отца.

— Чего?

Марк пожал плечами. — Ну, да! Ну, это правда.

Он вздохнул и отвел глаза, будто не мог не сказать, но почему-то стыдился признания.

— А с чего ты взял, — она говорила медленно, не веря услышанному, — что я могу?

— А ты сама предложила.

Рита высоко задрала брови. — Шутишь?

— Нет. Извини, но ты, наверное, сошла с ума, раз ничего не помнишь. Если ты не сможешь его найти, его вообще никто никогда не найдет!

Его голос взлетел, официантка и мужик обернулись; Марк наклонился к столу.

— Обещала мне, — прогудел он.

С треском включилось радио, передавая вспышки мелодий в густом скрежете помех. Рита узнала пронзительный гитарный бой итоскующий голос Томми Шо из группы «Стикс». От тревожного звучания песни ее нервы связывались в узлы.

Она откинулась на спинку сиденья и устало дрейфовала в сумеречном отупении, почти все уже допускающем, безразличном: Марк мог говорить о чем угодно, что угодно доставать из-под черного полога ее потерянной памяти; но чего она уж точно не ждала, так это долга, который ей предъявят. Где-то, когда-то она якобы пообещала человеку, которого не помнит, непредставимую вещь: найти его пропавшего отца. Она что, сыщик? Или ясновидящая? С чего бы ей давать такие обещания?

Через щели в окнах в вагон затекали запахи ночных полей. Тихо звенели радио-гитары. Рита снова думала о бабушке, о зеленом телефоне на тумбочке в прихожей: бабушка стоит, на плече полотенчику, и смотрит на аппарат. Ждет, когда ей позвонит кто-нибудь. Кто-то из дальних светлых дней.

Пусть все это окажется шуткой. Хорошо бы раз! — и проснуться уже у бабули, и пусть она будет в порядке, пусть все будет, как раньше, когда Рита приезжала на лето. Мороженое было сладким, крышечки на бутылках молока — серебряными, и все было еще впереди.

Взгляд Марка прыгал с ее лица на мужика у стойки — тому опять наливали, — и возвращался обратно.

— Если ты не вспомнишь, — сказал Марк, — я останусь совсем один.

От Автозаводска до Москвы — семнадцать часов на поезде. Они будут на Казанском вокзале около десяти утра, потом на автобусе или электричке поедут в Апрельск.

Теперь было около восьми вечера, но глаза у Риты слезились, голова гудела от усталости. Марк постукивал по столешнице пустым стаканом и смотрел на нее. Потом перевернул три стаканчика.

— Дай монетку.

Какое-то время она смотрела на стаканы, потом нашла на столе бумажник, вытряхнула монету в два рубля. Железный кругляш прокатился по столу, и Рита прижала его ладонью. Подвинула к Марку.

— Хочу себя проверить, — сказал он. — Спорим, ты угадаешь?

Стаканы зашуршали по столу, оставляя бледные кофейные разводы.

— У меня дежа-вю, — он улыбался, — сейчас я могу предугадать каждое твое слово.

Марк перехватывал стаканы так быстро, что она не успевала следить.

— Кручу-верчу, запутать хочу

Когда стаканы остановились, Рита покачала головой.

— У тебя руки мошенника, — горло прихватывало, она закашлялась, закрыв рот рукой.

Три стаканчика на секунду расплылись, превратились в шесть.

— Не знаю я, где монетка. Если и угадаю, то случайно.

— Никто не ждал, что ты уследишь за рукой Судьбы, — Марк кивнул ей ободряюще. —

Угадаешь случайно! Не трусь, ты уже сделала так, — он коснулся пальцем лба, — в моей голове.

Рита указала на крайний левый. Стаканчики стояли, ожидая, и горячая волна страха окатила ее внутренности. Кровь, заглушая стук колес и потренькивание радио, зашумела в ушах.

— Поднимай

Марк поднял стакан, на который указала Рита. В бледном кофейном круге лежала двухрублевая монетка.

Он пожал плечами.

— Чем меньше я сплю, — Марк двинул монетку к Рите, — тем больше помню.

Глава 2. Клад

Поезд несся сквозь ночь. Автозаводск — Жигулевск — Сызрань — Кузнецк Сон сморил Риту, и там, во сне, она очутилась в здании из красного кирпича. Было пасмурное утро, воздух пах талым снегом. Прозвенел звонок на большую перемену, и вместе с другими детьми она спустилась в столовую на первом этаже. Окна в длинном коридоре были распахнуты настежь. Мимо шли первоклашки, болтали друг с другом, из открытых дверей столовой — там, в конце коридора, — разливался запах булочек и какао.

Где-то на улице играла музыка, что-то знакомое. Не обращая ни на кого внимания, Рита вылезла из окна и попала на площадку, засыпанную песком. Здание школы буквой «П» обступало площадку, и отсюда в окнах можно было, как в галерее, рассмотреть куртки на вешалках гардероба, классы, где носились первые классы: прыгающие головы, проблески белых рубашек. По широкому ободу, окаймлявшему площадку, Рита догадалась, что когда-то тут был бассейн. Сейчас он был засыпан песком. Она ступала осторожно. Выслеживая мелодию, Рита скоро оказалась у круглого песчаного холма. От него веяло влагой морского побережья. Она встала на колени и положила ладонь на холодный песок: музыка шла изнутри. Стала копать. Руки быстро замерзли, но она копала и копала, и, наконец, пальцы наткнулись на что-то твердое. Рита нашла клад.

Ей удалось освободить от песка игрушечную железную дорогу, поваленный обруч Колеса Обозрения с разноцветными, тяжелыми кабинками, железного динозавра с проржавевшей челюстью, синий киоск «Кассы». На площадке стоял игрушечный парк аттракционов. Из-за того, что он был похоронен в песке, сильно потрескалась и облупилась краска.

Мелодия была рядом. Старая-престарая песня, которую кто-то выводил устало и нежно, не размыкая губ. Может, так могла бы петь мать, когда ребенок болен и не может уснуть. Уже нет слов, нет сил, мать качает дитя и без слов молится. Так ее плач превращается в песню.

Великаном возвышаясь над маленькой площадью, Рита рассматривала ее. Из-за песчаного пригорка вышли игрушечные деревянные лошадки и принялись щипать сухую траву. Солнечный свет старинных фонарей, каждый из которых был размером с карандаш, окутал скамьи на выгнутых ножках. Маленький, ростом с Ритин мизинец, призрачный человечек сидел на одной из скамей. В руках он что-то держал. Новая вспышка молнии окатила игрушечный сквер и лицо человечка, искаженное мукой.

— Мы сияем как звезды, — сказал человечек, — а потом гаснем.

Оглушающий раскат прокатился над школой и что-то чужое появилось здесь, упало с небес на землю. Зашуршал дождь, зашумел ветер в ветвях деревьев. Присутствие постороннего ощущалось как невидимая плотность, блуждающая в мокрой темноте. Куда бы Рита ни шагнула, она рисковала наткнуться на нечто, укрытое в шорохе дождя, в ветре и мельтешении листвы. Что это было? Ей казалось, она знает, что

Нечто неизбежно приближалось, несло к ней через пустырь. Там, где оно проплывало, все лишалось звуков, будто уши закладывало при подъеме на высоту.

Прежде, чем упавший с неба сгусток тьмы ее, Рита почувствовала сильный, вышибающий дух, удар в спину.

В тесной кабинке туалета пахло хлоркой, сильно, до рези с носу. Грохотал металлический унитаз. В приоткрытую форточку врывался ветер. Рита все никак не могла вздохнуть: сердце колотилось, а легкие слиплись. Она встала на цыпочки, прижалась к форточке, и ветер набился в рот и нос, как вода.

Она умылась из рукомойника, расчесала пальцами волосы, стянула их в «хвост». В зеркале себя не узнала, этим утром она была какая-то не такая.

Марк не спал. На его грудь свешивался черный овал mp3-плеера на шнурке, в наушниках шуршали колючие басы. Пиксельная змейка на экране Нокии складывалась в три погибели, но Марк ухитрялся избегать соприкосновений хвостовых зигзагов. Лампочки в проходе горели через одну, за окнами неслась косматая тьма. Марк вынул наушник из уха и позволил змейке замигать в предсмертной агонии.

— Тошнит?

Она покачала головой: «нет». Спросила, не разбудила ли его. Марк сказал, что обычно фигово спит ночью, зато часто отключается днем. Рита кивнула, вспомнила, что он дремал, когда она только вошла в поезд. Марк изучающе посмотрел на нее:

— Говорят, если не можешь уснуть, значит, уже снишься кому-то. Типа, ты бодрствуешь, только в чужом сне.

— Ага, — Рита протиснулась к окну, села. — Так, наверное, говорят в тех местах, где молния сжигает черта!

Они поулыбались друг другу. Рита молчала. Если бы пропал кто-то из ее родителей, она тоже не могла бы спать. Светлеющий горизонт вспороли чернели космы леса. Колеса захлебывались стуком. Снова зажегся экран марковой Нокии.

— Полшестого, — он тер глаза так, что они издавали вполне различимый скрип, — ты можешь еще поспать.

Рита вспомнила ночь, поглотившую школьный двор, пробирающийся через дождь сгусток темноты, и сказала, что выпалась. Достала из кармана переднего сиденья шоколадку и поделилась с Марком. Спросила его, где он живет в Самаре.

— Не в Самаре, а в Автозаводске. Сначала жили на Комсомольской, в Старом городе, — он жевал шоколадку, бормотал; остальные пассажиры еще спали, скорчившись на сиденьях, — потом чуток пожили в Новике. На Разина. Там до папиного Института две остановки.

Рита наклонилась, заглядывая ему в лицо, будто пришелец из космической глухомани вдруг превратился в соседа по лестничной клетке:

— Комсомольская же рядом со мной! Я же на Молодежном. Ты ходил в 13-ю школу. Да?

Марк кивнул. — Ну да. Да, мы могли бы случайно встретиться на улице. И ты бы меня не узнала.

Рита буксовала: общались, но не виделись? Переписывались в интернете, что ли? В какой-то параллельной жизни?

Он задержал на ней взгляд.

— Мы никогда не встречались вот так, — Марк кивнул, — да, да, Рита. Это ты не хотела. — Он отсалютовал ей бутылкой аква минерале. — И я теперь понимаю, почему.

— Да, и почему?

— Ты — сколько тебе, типа пятнадцать?.. Ты выглядишь младше, — он опустил руку в проход, отмечая ее предполагаемый рост, — где-то на восьмой класс. Я теперь думаю, ты тупо стеснялась.

Она молчала.

— Это глупая причина, но я же не знал. Я не спорил, думал, когда-нибудь все равно увидимся. Кто же знал, что ты вот так все забудешь.

Небо продолжало светлеть, поезд сбавлял скорость. Постоял минут десять у станции, не открывая дверей. Побежал дальше. Мимо проплывали лески, деревни, пустоши с одинокими домиками. Изредка появлялись городки в низинах, маленькие, затерянные, живущие в собственном времени. Вчерашний испуг Риты превратился в сухую почву соснового леса, улегся прочно, собираясь остаться надолго. Рядом с Марком она каждую минуту сомневалась в собственной нормальности, в том, в чем обычно людям нет нужды сомневаться: было или не было? Правда или шутка?

Марка шутил, что, пока она «подгружается», он, наверное, доест ее шоколад.

- Я не выгляжу на восьмой класс, — пробормотала Рита. — Бред какой-то.
— Ты очень маленькая. Извини, и это же не плохо! Я узнал тебя по лицу. По глазам.

В половину одиннадцатого они стояли на перроне. Казанский вокзал, наполненный эхом и прохладными ветерками, чадил горящими урнами. Нырнули в метро.

Там Рита подремала. От усталости казалось, что они провели в пути неделю. Она привыкла, что Марк рядом. Мальчишка вел себя так, что ей не приходилось думать о том, как она выглядит, себя как-то по-особенному. Хуже было, что он как будто ждал, когда же она «включится» и начнет вести себя «как друг». Но Рита запретила ему говорить о Лапантоме и всяком таком, а истории Марка о его жизни с отцом ни о чем ей не напомнили.

Как бы то ни было, Рита быстро привыкла к тому, как Марк говорит и двигается, к зомби на его футболке и к подпрыгивающему голосу.

На Выхино они сели в 324-й, междугородний автобус, который помчал их трассой, пролётшей меж полей. Просвечивающие насквозь, дрожащие тополи щекотали небо по обе стороны шоссе. В просветах между ними туманились поля.

Рита написала сообщение матери: «почти доехала».

Марк поглядывал в окна на замелькавшую в кустах мусорную «перхоть», быстро превращившуюся в пестрые кручи.

— Еще пара лет, и свалка будет, как у дороги на Раменское. Лисы совьют гнезда в диванных валиках и пакетах из-под молока, в подгузниках и пластиковых бутылках...

Рита сунула телефон в карман ветровки.

— Лисы не вьют гнезда. Не беспокойся. В один прекрасный день случится какой-нибудь катаклизм, и все это исчезнет. Останутся только твои лисы и коровы. Вьюнок и березка.

Марк улыбнулся. — Звучит неплохо. Ты сегодня очень похожа на старую Риту.

Он зевнул и отвернулся, глядя в окно, а она вспомнила, как Марк заявил вчера про неосуществимое: «Ты обещала найти моего отца». Рита наклонила голову в одну сторону, другую, разминая шею. Вот это она, конечно, молодец! Пообещала, так пообещала.

«Да пьяная я была, что ли?..»

— Ну, городок, — Марк хмурился. — Скоро, что ли, нет? Встань ко мне передом, а к лесу задом!

Минут через десять автобус протащился мимо длинного забора под колючей проволокой, окружавшего военную часть, миновал заброшенную колокольню и въехал в город. Было уже совсем светло. Облака плыли низко, белые клубы нагромождались друг на друга и так застывали. Ветер нес их дальше, как летучие башни.

— Снова это дерьмо, — Марк тоже смотрел в окно, обкусывал губы.

Она подняла брови: «что случилось?»

— Дежа вю. Как будто я так уже возвращался.

Автобус обогнул светлый прямоугольник центральной площади, разлинованный красными дорожками. Площадь выглядела более дико, чем помнила Рита по прошлому приезду: в цветнике слева рвался к небу гигантский кипарис, окруженный поникшими розами; на площадке справа, где раньше был фонтан с алебастровыми коньками, громоздился большой дощатый короб размером с контейнер для перевозки мебели: скульптуру, по всей видимости, демонстрировали.

На другой стороне дороги, за площадью, торчала сухопарая кирпичная колокольня, рядом с ней — беленая церковь о пяти куполах. Купола были синие, в золотых звездах.

Центр Апрельска походил на набросок случайного, безымянного уездного городка: небрежный, типовой, сделанный от нечего делать.

— Это уже было.

Голос Марка звучал подавленно, и Рита подумала, что, если бы у нее пропал отец, она тоже мучилась бы каждую секунду каждого дня, и еще неизвестно, как воспринимала бы окружающее.

— Такое мерзкое чувство, — Марк бросил на нее взгляд, будто сверяясь: она знает, каково это? — увидел, что не знает. — Как будто сходишь с ума.

Только теперь, присмотревшись, Рита увидела, что бессонная ночь не прошла для него даром: лицо отликает желтизной, веки опухли, лоб блестит от пота. Глаза Марка за ночь выцвели. Стало ясно: никакие не серые — болотно-зеленые с рыжим ореолом вокруг зрачка. Взгляд его уходил куда-то за пределы координат, и Рита снова подумала, что юность не защищает от безумия. Она не спросила вчера, как давно пропал его отец; как-то не до того было с его «шутками». Если сам Марк не исчезнет из ее жизни так же внезапно, как появился, ей придется поскорее узнать о нем больше. О его обычной жизни. И о той, где прятались Лапантом, Пристань, Музей.

— Эй, — Рита двинула локтем, заставляя его отвернуться от окна, — не накручивай себя. Дежа вю и всякие такие штуки бывают от усталости. От бессонницы.

Он вздохнул: — Ну конечно.

— Мы разберемся, — Рита не смогла промолчать, — я помогу, раз обещала.

Рядом с автостанцией, за невысокой оградой, виднелись лотки продуктового рынка. Сонно вились над лужами и прилавками осы. Немногочисленные лоточники, закинув ногу на ногу, сидели на раскладных табуретах, обмахивались газетами или лениво листали их. Окна табачного ларька были гостеприимно распахнуты, но никто не подходил к ним, дверь магазинчика «Товары в дорогу» была открыта и подперта кирпичом, но туда тоже никто не торопился войти. Дверь салона отъехала с шипением, внутрь выплыло облако свежего воздуха, пахнущего укропом и цветами. Все, кто ехал в автобусе, вышли здесь. Рита помнила, что до конечной редко кто остается.

Марк зажмурился, как будто хотел чихнуть, но вместо этого широко зевнул.

— Когда ты в последний раз была здесь?

— Года три назад, — она поморщилась. — Вокзал да церковь — вот и весь город!

— А зачем тебе большой город?

— Не знаю, — она вздохнула, — вроде бы, здесь есть школа?

— Даже две. И почта есть. Больница. Радиостанция «Голос Апрельска» к твоим услугам.

Что еще?

— М-м, кинотеатр?

— Кинотеатра нет. Уж извини! Есть в Раменском. А ты что, большая любительница кино?

Рите показалось, что Марк обиделся за Апрельск. Она покачала головой:

— Не такая большая, чтобы ездить в другой город.

Когда Рита была здесь в прошлый раз, скучно было до смерти. Она видела подростков, сидящих на трибунах на той стороне озера, и завидовала: они загорали, танцевали под музыку из портативных колонок, дурачились у воды. За церковью был сквер на холме: деревянная эстрада, лавочки. На травяном склоне, спускавшемся к воде, молодежь собиралась, чтобы поиграть на гитаре. Рита не знала, как с кем-то подружиться. В тот раз только и думала, что о возвращении в Автозаводск.

Автобус остановился на остановке «Старые дома». — Ребят, я на Горку не еду! — крикнул водитель. — Тока до Речной.

Марк натянул джемпер, скатал в рулон плащ и прицепил его к рюкзаку. Снял сумку Риты с багажной полки. Она с тревогой наблюдала за ним.

— Ты дорогу-то найдешь?

— К бабушке? Я же была там сто раз.

— Нет, ко мне. Я живу на Восточной окраине, — он покачал головой, — все время забываю, что ты ни черта не помнишь.

Автобус пополз дальше. Рита закрыла улыбку ладонью.

— Марк, ты как какой-то волшебный персонаж! Такой, с придурью. Я не знаю, где какая в Апрельске окраина!

— Тогда давай через пару дней встретимся у Дома творчества. Тебе любой скажет, где это. Ну, там после обеда. Мне, — он махнул рукой в сторону реки, — удобнее идти от автопарка. Я у моста выйду! — крикнул он водителю.

— По мосту на ту сторону, — объяснил он Рите, — и я на месте.

— Я думала, там никто не живет — она тоже махнула рукой, — дома, вроде, только там уже, дальше, в деревне? По дороге на Раменское.

— Нет. Мои дед с бабкой живут на том берегу реки. Там раньше был большой поселок. Дачи. Сейчас заросло все, и с вашего берега домов, наверное, и правда не видно, — он пожал плечами, — но там очень красиво. Вот приедешь к нам, увидишь.

Рита хмурилась: казалось, Марк придумывает все на ходу.

— Может, дед этим летом опять подаст заявку на кружок в Доме творчества. Он там подрабатывал, вел студию мозаики. Если будет интересно, запишешься.

— Это прям его работа? Прям настоящий мозаичист?

— Ну, вообще-то основная его работа на Ювелирке, он там рисует эскизы. А студия в «ДТ» это хобби. Он интересно преподает. Прошлым летом я втянулся, прям ждал занятий.

Марк пересел на соседнее сиденье, смотрел, как Рита выбирается в проход, вешает на плечо сумку. Достал из кармана рюкзака связку ключей и отцепил брелок: прозрачный дельфин с ракушками внутри, плавающими в синем геле.

— На. А то еще решишь, что я тебе приснился, и, такая: «пошел бы он к черту, придурок»!

Тяжесть дельфина на ладони была приятной. Призрачная щекотка в середине мозга чуть было не разродилась воспоминанием, но обманула, растаяла.

Рита прошла пальцами по ветровке, зацепила значок, самолетик на верхнем кармане. Она купила его в прошлый свой приезд в Апрельск, на авиасалоне в Жуковском, и носила с тех пор постоянно, перецепляя с куртки на куртку. Секунду помешкав, она отстегнула его и протянула Марку.

Он с любопытством рассматривал самолетик: — Какой хороший, какой отличный... Слушай, мне кажется, у меня такой уже был. Ты его где взяла?

— Ты совсем, да?

— Дежа вю, — так, будто это все объясняло, сообщил Марк и развел руками. Он оттянул ткань джемпера, протыкая ее булавкой самолетика.

— Это истребитель, — сказал он. — Тебе нравятся самолеты? Ты, вообще, разбираешься?

Автобус остановился. Водитель развернулся в кресле. — Вы там выходите? Или я теперь все время с вами буду ездить?

— До встречи, Марк.

— Да, маленькая Рита, — он прощально потрепал ее за плечо, — типа того.

Спрыгнув со ступенек, Рита взглянула в окно отъезжающего автобуса и поднесла к уху оттопыренные большой и мизинец: «Позвони».

И успела увидеть ужас в его глазах: телефонами они так и не обменялись.

Глава 3. Речная, 37

Рите все это снилось не раз. Вот ларек, где дедушка «с полочки» покупал дорогие ароматные сигареты, вот парикмахерская с выгоревшими плакатами за пыльным стеклом: блондинка под грозовым небом, ее волосы развеваются на ветру, а на соседней витрине смотрит в синий горизонт загорелый яхтсмен с квадратным подбородком. Широкая дорога меж домов частного сектора — Рите туда, где розовеет справа розовый двухэтажный «дом военных», к туманящейся зелени перекрестка. Потом направо, и она увидит бабушкин дом.

Все вокруг то же, что и семь лет назад: пыльный запах одуванчиков, старые дома, березы; только теперь под ногами вспухает растрескавшийся асфальт, на стенах пятиэтажек распускаются черные пятна плесени. Сердце вильнуло, заколотилось, когда из-за поворота выглянул дом бабушки. Светло-серая «панелька», Речная, 37. Несколько лет не виделись. Вспоминая о бабушке, Рита сразу вспоминала и ее вопрос: "Ну, и когда ты ко мне приедешь?"

Апрельск подурнел, как человек после долгой болезни. Рита попыталась рассмотреть соседний дом, что стоял напротив 37-го, но мешали деревья. Что можно было сказать наверняка, так это то, что дом был чересчур короткий. Наконец, Рита сообразила: дом и правда обрезан. Нет одной из секций, правый торец забетонирован. Что тут произошло?

Дом номер 37 оставался целым, но тоже изменился, сильно состарился и обветшал.

«Как будто меня не было лет сто!» — подумала Рита.

Прежде чем подняться на крыльцо, она долго смотрела на холм, возвышавшийся над прибрежной дорогой в нескольких метрах от подъезда. Раньше на холме были только песочница и деревянные лавки, уложенные на торчащие из земли черные пеньки. Теперь тут появились лошадки-качели, между двух скамей расправил плечи двуглавый парковый фонарь с ромбовидными плафонами. Если панельки выглядели так, как будто их перед Ритиным приездом подняли со дна самого синего моря, то вид пригорка производил совсем другое впечатление. Все тут было старомодное, но, в то же время, как будто совсем новое, сделанное недавно. На холм хотелось подняться. Покрутиться на желтой карусели-ракете, оседлать лошадку, провести рукой по золотой гриве. Ускакать в волшебную страну.

Потоки воздуха, плывущие со стороны реки, остужали Ритины щеки, шевелили пряди волос. «Ладно. Успею еще».

Тусклый свет коридорной лампочки, блеск зеркал трельяжа (сразу три Риты столпились в прихожей), скрип половиц. Здесь все было все так, как она помнила. Бабушка Инна спрашивала, как родители додумались отправить Риту одну, почему не позвонили. Стянула с нее сумку — господи, что мать туда положила? — и обняла, обступила Риту теплом. Инна пахла капустными пирожками и валерьянкой.

«Ну, по крайней мере, она меня узнала».

Рита скинула кеды и вымыла руки в крошечной ванной. Привычный запах стирального порошка с лавандой больше прочего убедил ее, что она не спит, а в самом деле приехала в Апрельск. Отражение на этот раз устроило ее. Кажется, она стала выше.

Кухню заливал мягкий солнечный свет.

— Ты же одна не ездила раньше? Хороший был поезд?

— Да, бабуль, нормальный. Немножко вонючий. Ты живешь очень далеко!

На столе стояли тарелки, старый серебристый кофейник. Рита помнила: в доме родителей был такой же, но мать давно его выбросила.

— А соседи? — бабушка поставила тарелку с бутербродами в микроволновку, — тебе папа купе брал?

Рита все озиралась, ища перемены в обстановке и не находя их. Как будто вернулась в прошлое.

— Нет, бабуль, какое купе, я в сидячем ехала, — она повторила то, что говорила Марку: — Мы спонтанно решили.

Есть не хотелось. Рита рассматривала тонкий бабушкин нос, выщипанные «в ниточку» брови с приподнятыми уголками. Очки в тонкой металлической оправе были все те же, и те же были мелкие седые кудри, схваченные над ушами «невидимками». Быстрые карие глаза.

Инна расспрашивала про родителей, про экзамены.

— А друзья твои? Все на лето разъехались?

Рита помотала головой, улыбнулась: откуда Инне знать, что Рита так и не научилась находить друзей. О чем-то задумавшись, бабушка смотрела куда-то за Ритино плечо, в приглушенно светящиеся воланы тюля. Потом перевела взгляд на часы над дверью.

— Ждешь кого-нибудь? Жениха?

— Двух, — не отрывая взгляда от часов, Инна кивнула в коридор, где проход перегородила сумка. — Что у тебя там? Мебель с собой привезла?

— Не-а, всякое барахло. Я же к тебе на все лето!

Рита прошла по квартире, заглянула в «зал». Никаких перемен. Обои зеленые, как лесной мох, вытертые крашенные полы, чисто. У стены слева рыжий диван, справа старая радиола.

В дальнем углу раскорячился телевизор АКАI, его подарил бабушке с дедом Ритин отец, лет сто назад. По столу у окна расплзлась кипа журналов, сдвинула к краю разноцветные жестяные банки с пуговицами. Рита наклонилась к открытой коробке конфет. Больше половины ячеек были пусты. Запах шоколада напоминал о прошлом. В детстве она забирала у бабушки такие коробки и раскладывала в ячейках драгоценности: разноцветные стразы, выпавшие из бабушкиных сережек, бусины, перламутровые осколки речных раковин.

На фотокарточках, втиснутых в щели между стеклами серванта, Рита увидела деда и бабушку на лавочке у подъезда, мать — она только окончила училище, стоит в косухе и белых брюках; следом — новогодняя открытка: огромная белоснежная лошадиная морда лезет в окно, а внизу ухмыляется маленький Дед мороз, похожий на хитрого печенег. Сердце стиснула грусть: в детстве Рита по лошадям с ума сходила. Эту открытку она берегла с детского сада, а потом совсем забыла про нее, думала, что та где-то потерялась. А она была здесь все это время.

«Долго я не приезжала»

Она знала, как зовут белого коня: это Фаладо. Имя из чешской сказки, их раньше часто крутили по телевизору. Обычные имена казались Рите скучными, так что она брала себе и своим игрушкам странные волшебные имена из «Пещеры золотой розы», «Румбурака» и всякого такого. Нашлось тут и ее детское фото: вот она Рита, стоит вполоборота: ей лет девять, выгоревший на солнце «конский» хвост, футболка и шорты, печальный взгляд.

Тикали часы, и время здесь шло в обратную сторону.

— Рита? — голос бабушки разбудил ее; с кухни доносился плеск, позвякивали тарелки. — А мама тебе обратный билет уже взяла? Или я буду брать, ближе к школе?

— Ближе к школе!

Она вышла из зала. Коридор небольшой, темный. Лампочка горит таинственно и мрачно, солнце сюда только утром заглядывает. Узкая дверь, углом ко входной, ведет в гардероб. Половицы, как и много лет назад, скрипят под ногами.

В спальне бабушки — напольные вазы с восточным рисунком, рыжий шкаф и трюмо, светлые обои. Постель такая, что ложишься — и пропал, только на следующее утро снова оживаешь, так глубок сон. Белые невесомые занавески на окнах покачиваются, в приоткрытое окно слышен сонный шум улицы: птичьи голоса, далекий рокот баржи, ползущей по Сороке.

Дверца рыжего шкафа теплая. Про этот большущий шкаф Рите в детстве снилось, что на самом деле это не шкаф, а лифт, а еще снилось, что в спальне бабушки иногда появляется

дополнительная дверь, крашенная белой краской. Дверь вела в спрятанную комнату, полную чудес.

Трюмо у противоположной стены украшают советские фарфоровые статуэтки: бело-голубая фигуристка сидит на пуфе, выставив коньки; Иван Царевич в зеленом кафтане смотрит на нее с противоположного края. У его ног сидит лягушка, рядом, в фарфоровой болотной стыни, угадывается стрела. Лица царевича и фигуристки красивы и холодны. Они смотрят друг на друга с разных концов тумбы и ничего не предпринимают.

Когда Рита открыла дверь в комнату дедушки, что-то случилось. Ее бросило в жар, потом стало холодно, как будто ветер, дунувший с края света, вышиб ее из тела. Пальцы легли на косяк двери, и он был теплый, а ее глаза холодило от слез. Она вдруг как-то по-особенному глубоко поняла, что ее деда больше нет.

«Его здесь нет».

В родительском доме его фотографии смотрели на нее со стен, и сейчас она не подумала о том, что не увидит его самого в этом доме. Казалось, он должен быть здесь. В прошлый ее приезд он был еще жив.

Рита осторожно вошла в комнату и осмотрелась. Дедушки нет. Но все здесь так, как было при нем. В комнате стоит старая, грубая мебель: огромный книжный шкаф цвета перележалого шоколада с розовеющими, стертymi углами, письменный стол и журнальный столик. Пол укрыт тяжелым ковром, крадущим шаги. Все хрупкое, сухое. Она открыла шкаф и полистала книжки, дедовы любимые: «Три мушкетера», «Проклятые короли». Страницы пахли пылью и сдобой. Она попыталась вспомнить, как умер ее дед, и не могла. Помнила, что он долго лежал в больнице, и мать ездила в Апрельск. А Рита оставалась с отцом и ходила в школу. Как будто ничего не происходит.

Восточную стену занимала большая карта мира, выгоревшая на солнце. Когда Рита была маленькой, то пыталась ее как-то обновить, подписать, но только испортила. Бабушка отругала ее, а дед сказал, что теперь она может с этой картой делать все, что ей захочется. Рита разбросала по морям новые острова, соединила континенты акварельными мостами.

Обойдя комнату, она вернулась на кухню через лоджию. С балкона были видны ивы, заслоняющие от глаз детскую площадку.

— Новая площадка у вас очень милая.

— Да? — Инна, склонившись над раковиной, снимала ножом картофельную шкурку. — А я и не заметила.

Помолчав, Инна добавила, что на площади все тоже переделывают.

— Общежитие какое для спортсменов отгрохали!

Рита пока не видела, не ходила еще по Тихому. Бабушка включила воду, поставила кастрюлю под струю. Разогнулась, потеряла поясницу.

— Теперь иногда смотришь: какая-нибудь красота появилась. В сквере, на холме, новая скульптура. Каменные фигуры. Огромные! Как у вас в парке в Автозаводске были, помнишь, в Комсомольском когда вы жили?

— Там были железные, — Рита прислонилась к подоконнику, солнце грело ей шею, она подняла волосы в «пучок», — вроде, сказочные героини. Баба Яга, еще кто-то. Плохо помню. Меня тогда лошади больше интересовали. Там лошадка бегала вокруг парка, катала детей, помнишь? Я мечтала ее освободить.

Бабушка кивала: — Ты о-о, ты та еще освободительница была!

Гладкий холод коснулся Ритиной руки, она обернулась: на подоконнике стояла старая мраморная пепельница в виде лебедя, сунувшего голову под крыло. Это была пепельница деда. Давным-давно он отдал ее Рите, и, приезжая в Апрельск, она хранила там сережки и резинки для волос.

— Ты куришь, бабушка?

— Ну, вот еще!

Инна наклонилась над конфоркой, чиркнула спичкой. Рита подумала, что, может быть, бабушка взяла лебедя для Жанны; то была стариннейшая подруга Инны; она жила как раз напротив, в «Обрезанном» доме. Рита спросила, что случилось с баб Жанниным домом, и Инна рассказала, что еще в апреле там взорвался газ. Пятиэтажки в этом районе все на газу, и как-то ночью рвануло.

— Тут кипело все. Скорые, пожарные, мигалки, сирены. Очень много погибло. Но кому-то и повезло, — бабушка под села к столу, наклонила кофейник над чашкой. — Моя напарница в смену была. А Новиковы всей семьей в инфекционке лежали. Люди думали, дадут новое жилье, но все забетонировали, замазали. Новиковым дали такую квартиру, жить не станешь. От алкашей в том же доме оставались квартиры, им и отдали. Кто-то до сих пор у родственников живет.

Рита задумалась. Почему мать не рассказывала ей об этом случае со взрывом? Может, бабушка боится жить тут одна? Может, она больше не будет отказываться от переезда.

В зале было по-хорошему сумеречно, прохладно. Рита раскинулась на диване и щелкала пультом, а Инна устроилась за столом и перебирала журналы с ленточками-закладками. Рита решила спросить про дачный поселок, о котором говорил Марк.

— А вот ты знаешь что-нибудь о Восточной окраине?

Бабуля удивленно посмотрела на Риту поверх очков.

— Ну, конечно. Конечно, я знаю.

Она рассказала, что это было такое художественное объединение. Во времена ее молодости эта группа, что-то вроде профсоюза, заправляла в городе всей культурной жизнью.

— Они организовывали тут выставки, ярмарки. Жили все там, — бабушка махнула рукой, — на том берегу. Тогда там дачи художнички стояли.

Рита решила пока не рассказывать бабушке про своего попутчика: «Может, мы с ним и не увидимся больше».

— Мне кажется, они уже там не живут, — добавила Инна. — Дачи раньше было видно с нашего балкона.

Слюнявя палец, она листала журнал. Пожелтевшие страницы роняли на ее подол полупрозрачные выкройки из кальки, похожие на стрекозиные крылья.

— Поуждали, наверное. Как им тут работать? Все деньги жрет Москва.

Рита спросила о ее работе в котельной.

— Рита, никому ничего не нужно! Котельная по швам трещит, вчера котлы останавливали. Буду увольняться. Просто страшно уже.

Еще в детстве Рита мечтала попасть к бабушке на работу, посрисовывать вентили и датчики, лабиринты труб. Решила: надо успеть проверить это, пока бабушка не уволилась.

Она потягивалась и зевала, чувствовала, как растет, вытягивается под сонным солнцем. Инна тоже будто бы дремала; глаза ее не были закрыты, но спина округлилась, ладонь спокойно горбилась на странице, взгляд утонул в рассеянном свете и переливах тюля. На ковре лежали выкройки, как недописанные карты дальних стран. Коробка конфет опасно кренилась на краю стола.

«Наверное, сейчас можно ее спросить. Подходящий момент».

Рита перестала растягиваться в длину и облокотилась на локоть, чтобы лучше видеть бабушкино лицо; поймать ее на лжи или шутке, — но, пожалуйста, не на болезни.

— Бабуль, как ты смотришь на то, чтобы переехать в Автозаводск? — Рита старалась говорить тихо и мягко, не как врач, но как доверенное лицо, — мама с отцом в большой комнате, мы с тобой — в моей. Мне было бы хорошо — прихожу из школы, а ты дома!

Тикали часы. Бабуля поправила коробку конфет. Подняла взгляд на часы, висящие над телевизором.

— Переехать?

— Ну да. Переехать к нам. Насовсем.

За окнами прогрохотало, и как-то сразу шумно пошел сверкающий летний дождь. Он был совершенно не похож на автозаводские грозы. Там, дома, гроза разламывала город пополам и швыряла в воду осколки районов. Хотелось спрятаться под стол от раскатов грома. Тут же, в Апрельске, кто-то наверху комкал подарочную упаковку. Не самый приятный звук, но терпимо. Один раз скомкал и бросил, другой. Туча заволокла солнце. Рита с бабушкой зачарованно смотрели, как щедро сыплет, забрызгивает балконное окно.

Инна перевела взгляд на внучку, ее локоть повис над краем стола. Вот-вот столкнет конфеты.

— Мать, что ли, хочет? Я, вроде, до магазина дойти могу. До аптеки. Помощь мне никакая не нужна. Что это она? Или ей самой надо помогать?

Рита молчала. Мать до сих пор не позвонила, не спросила, как Рита добралась.

Не дождавшись ответа, Инна поднялась и вышла в кухню. Слышно было, как она закрывает окна на лоджии. Риту грыз стыд за мать и за себя, изнутри она как будто почернела вся с ног до головы.

«Почему я не приезжала к бабушке? Потому, что тут за мной некому смотреть? Она здесь совсем одна, ей за семьдесят. Почему мы не навещали ее?»

Иннины тапочки прошаркали в коридор. Что-то хрустнуло. Она сняла трубку телефона.

Тревога разливалась в крови, Рита уже не могла валяться на диване. Села. До ломоты в костях ей хотелось выскочить из квартиры и дернуть на автобусную остановку. И дальше, дальше, через мост! Но — чтобы что, — побежать к Марку? Она не найдет его дома, номер бабушкиного телефона он не знает. Да и как тут уйти. Только приехала, и уже сбежит от бабушки, с которой не виделась сто лет?

Беспокойство нагнетала непогода, сама сумеречность комнат, и хуже всего было то, что беспокойство смешивалось с предвкушением ужасного: "Что-то будет?"

Инна говорила с кем-то по телефону. Рита видела ее спину в дверном проеме. Наклонившись к аппарату, бабушка говорила: «Приехала наша Маргарита! Да, да!», и «Да выросла, на улице встретишь — не узнаешь!» Она говорила громко, будто ее собеседник был глуховат. Когда Инна звонила семье дочери в Автозаводск, она тоже так кричала: «Алло, алло! Рита, говори громче, я тебя плохо слышу!»

На то, что ее дочь, — Ритина, значит, мать, — даже не позвонила, чтоб предупредить, Инна тоже собеседнику пожаловалась. А дождь за окном все шуршал, солнце появлялось и пропадало, так быстро ветер гнал тучи. Выходило так, что автозаводская гроза все-таки догнала Риту. Рита над ней смеялась, а гроза за ней шла.

«Что? — Инна еще повысила голос и несколько раз повторила: — Что, что?»

И выругалась, — «гадский потрох!» — и бросила трубку.

Рита обхватила плечи руками. В комнате как будто мгновенно стемнело. Инна вернулась, снова села за стол. Захлопала по карманам халата, проверяя, не там ли очки; рассеянно уставилась на журналы.

— Мы с тобой отдохнем, потом за дела. Ужин мне поможешь приготовить.

Рите уже не хотелось нестись на Украину. Лучше было бы завернуться в плед и дремать, пока снова не выглянет солнце. Ее бабушка молчала, и тогда она поднялась и подошла к ней. Тронула круглое плечо, вспоминая, что этот же вот синий халат в мелкий цветочек Инна носила, когда Рита и в прошлый раз гостила здесь.

— Бабуль?

Та вздрогнула: — Что-то он сказал мне.

Пальцы Инны, бледные, с розоватыми утолщениями на фалангах, бестолково шарили по лицу длинноволосой красавицы в брючном костюме цвета топленого молока. Красавица

лежала у стога сена и исподлобья смотрела в камеру. В детстве Рита не раз пыталась срисовать ее, но все не выходило схватить этот ее взгляд, этот вызов.

Глядя в колеблющийся тюль, Инна шарила пальцами по странице, как будто вслепую читала статью. Рита наклонилась к ней.

— Бабуль, кто сказал?

Рита присела на корточки рядом с бабушкой, будто так, почти стоя на коленях, могла вытянуть из Инны печальную тайну. Кто позвонил ей?

— С кем ты говорила, бабуль?

— С твоим дедом, — доверительно прошептала Инна, — но я не поняла. Плохая связь, — она поднесла руку к уху. Рука дрожала и постукивала по бледной раковине:

— Алло, алло? А он бормочет... И не разобрать ничего.

— С дедом?..

— Всегда плохая связь

Инна некрасиво передернулась, но не заплакала. Ее глаза блестели, губы некрасиво скривились. Она смотрела в тюль, будто за ним могло быть другое окно, а за окном — другой Апрельск, где ярко светит солнце и дедушка Риты жив-здоров, паркует у подъезда свою белую «Оку».

Рита встала. Дед ее давно умер. Бабушка сидела, одеревенев, только кисти рук подергивались. Она как будто все вдумывалась во что-то, все всматривалась. Но не в окно, не в буквы, вглубь себя.

Едва слышно забормотала: «от желтого глаза, от белого глаза»

Рита вспомнила: уже слышала эти слова. Всплыло воспоминание: бабушка держит ее на коленях, тихонечко причтает: «от желтого глаза, от белого глаза, от всех дум и наваждений»

Трудно стало дышать, грудь сдавило от страха и предчувствия беды. А Инна, переборов свое негибкое тело, перелистнула страницу. На черный глянец фотографии упала капля пота. Лицо ее было сморщенное и красное, будто она долго плакала или парилась в бане. Парилась и плакала. Она уперла узловатый палец в картинку. Палец указывал на черный оборчатый сарафан.

— Такой тебе надо сшить, — сказала она неподходяще молодым голосом, облизнула губы. — В августе тут будет, знаешь, как? — она вытянула из складок халата носовой платок и прижала его к уголкам губ. А потом широко вытерла лоб и шею. — Пекло.

Ритее мучительно хотелось в туалет, как бывает в поезде, когда там толпа народу, и ты попадешь в грохочущую кабинку не меньше чем через час. Но уйти не могла; примерзла к полу, а взгляд Инны мало-помалу прояснился, она постепенно возвращалась из дальней дали, ее лицо менялось, разглаживалось, и вот она снова, уже буднично, погрузилась в описания летней одежды. Как будто ничего не произошло.

— В семидесятые-восьмидесятые годы мы очень хорошо одевались, — сказала Ритина бабуля, переворачивая страницу «Burda moden». — Была хорошая мода. Не то, что сейчас. Все с большим вкусом одевались. Ну, вот посмотри. Красота!

Белые стены ванной, маленькая старая стиральная машинка и округлая, кукольная ванная — все мерцало, распадалось на пляшущие пятна. Ритина грудь превратилась в баллон, из которого выкачали воздух. Она дышала насильно, считала вдохи.

Древний бабушкин телефон сюда не принести, значит, придется звонить родителям тайком, когда бабушка уйдет в свою комнату. И ждать нельзя — насчет ее болезни.

«Надо брать билеты и везти ее в Автозаводск, госпитализировать. Как можно скорее устроить переезд, чтобы бабушка жила с нами, а не одна у черта на рогах. Видно, болезнь ее пустила корни глубоко».

Судя по стукам из спальни, Инна переместилась туда и проверяла швейную машинку. Шуршала, бормотала. Потом зашлепала педаль.

Рита встала. Из ванной выходить не хотелось. Здесь, по крайней мере, все было знакомо и обыденно, как было, когда Рита приезжала сюда ребенком. Как будто дед был жив, бабушка — здорова и бодр, Рите снова девять лет, скоро выйдет на балкон пить растворимый сок «Зуко» и смотреть, как другие дети веселятся и плещутся у Поплавка.

Некстати вспомнился железно-дождевой запах ветра, пробивающийся сквозь щели тамбура, взволнованный голос Марка. Похоже, с ним Рите никак не увидеться до отъезда.

Она открыла дверь ванной и подкралась к аппарату. Неслышно подняла телефонную трубку. Казалось, длинные гудки так оглушительно громки, что Инна из спальни может услышать их. Стараясь подстроиться под погромыхивание педали, едва попадая пальцем в отверстие, Рита «проциркала» код Автозаводска и номер. Сколько сейчас времени? Есть кто-нибудь дома? И тут желудок окатило холодом: мать еще на работе; отец вернется и того позднее, не раньше семи.

«Нет никого»

Шли долгие, томительные гудки. Трубку никто не брал. Значит, надо перезвонить им вечером. Пусть до этого ничего не случится; то есть, не случится снова того, что Рита уже видела.

Бабушка позвала ее из спальни, и голос ее казался далеким и мирным, такой Рита слышала ее утром. Голос из прошлого, голос совершенно здорового человека, собирающегося «пошить» новый сарафан. Последняя попытка: Рита снова набрала номер домашнего в Автозаводске. Длинные гудки оборвались в звенящую прямую. Глухо.

Остаток дня Рита не спускала с бабушки глаз. Инна отказалась измерить давление и больше не чудила. Может быть, ее движения были слегка отрывистыми, немного другими, чем утром. Утреннее ее поведение Рита взяла за эталон, утром бабушка была совершенно нормальной. Выбор кроя, настройка машинки и бег строчек по лоскуткам отвлекали ее. Рита решила, что, хотя бабушка читала в «сиесту» журналы и примерялась к выкройкам, она близко не подходила к швейной машинке. Рита спросила: как давно бабушка не шьет?

— С тех пор, как ты уехала, — сказала Инна. — Не для кого было.

Ближе к вечеру, когда жара спала, они и в самом деле сходили на рынок у автостанции. Подвяленная за день зелень деревьев оживала, на город спускалась вечерняя дымка, в частном секторе топились бани. Снова Риту удивила маленькость, игрушечность Апрельска. Кажется, он стал еще меньше, чем был раньше.

Когда они вернулись, Инна нарезала салат, подогрела картошку. Открывая пластиковую упаковку, Рита облилась селедочным маслом. Хотела помочь накрыть стол, но Инна сказала, что все сделает сама.

Рита снова звонила в Автозаводск. Набирала номер несколько раз, с восьмеркой и без, с кодом города и только сам номер — ничего не срабатывало. Тянулись длинные гудки или сыпались короткие, — противные, резкие, даже гадкие, как капли ржавой воды из водопроводного крана. Инна заметила. Сложно было скрыть судорожные попытки Риты дозвониться. Рита уже и не скрывала. А Инна сказала, что, наверное, отец с матерью просто пошли в кино или к кому-нибудь в гости.

— Надо же им отметить первый день «каникул» своих, Рита. Пускай. Не дергай их. Утром позвоним, или сами позвонят.

За ужином Рита убеждала себя, что случившееся с бабушкой днем не было скачком давления или признаком старческого слабоумия.

«Я так неожиданно приехала. Она переволновалась. Может, это была истерика? От долгого одиночества?»

Как бы то ни было, она больше не собиралась оставлять бабушку одну.

Инна даже достала из холодильника бутылку «маленькой», которую держала «на уколы» и выпила рюмку. Рита пыталась ее отговорить, но Инна и слушать не стала.

— С приездом, — сказала она.

Стоя перед сном на балконе, Рита смотрела на улицу. Косматые кроны были черны. Синий воздух пах пылью и мокрым асфальтом, внизу, в темноте, пели сверчки. Розовые глаза фонарей детской площадки моргали сквозь ветки ив, ветер гладил ее по рукам. Она и забыла, что в Апрельске может быть так хорошо.

Дорога, бегущая вдоль черной реки Сороки, метрах в ста от дома 37 разветвлялась. Один ее «рукав» так и тянулся вдоль реки, уходя вправо, огибая полуостров со спортшколой, а второй оставался в городе и вел по берегу озера Тихого к центру.

Рита облокотилась о железные перила. Там, на противоположном берегу Сороки, где все заросло деревьями и кустами, стояли когда-то дачи художников. Но, как ни вглядывалась, не смогла различить в черноте ни одной крыши, ни одного огня.

Глава 4. Дом творчества

— Я считаю, тебе нужно найти занятие на лето, — сказала Инна утром, заглядывая в комнату Риты. — Что ты вскочила так рано? Что будешь делать целый день?

Была половина восьмого утра, Инна собиралась на работу. Рита, еще не умытая, одетая в майку и шорты, сидела в зеленом дедовом кресле, перекинув ногу через подлокотник. На животе ее, как большая картонная бабочка, распласталась потрепанная библиотечная книжка.

Телефон не работал с самого утра; мобильный показывал отсутствие сети.

— По радио передавали, что идут магнитные бури. И солнечная буря какая-то еще. Летом тут часто так. Она сказала, сотовая связь восстановится. Тут Рите вспомнилось, как плохо она слышала голос матери по телефону, когда до отбытия поезда оставалось несколько минут; мрачную грозу в Автозаводске. Была та непогода связана с апрельскими грозами, или это Рита теперь «редактирует» воспоминания?

— Ладно, бабуль, — она хмурилась, — а почему не работает домашний телефон? Инна ответила, что ночью была гроза, — «А ты не слышал?», — и, скорее всего, весь июнь будет грозовой, дождливый в этом году. АТС может отключать линии, чтоб не было скачков напряжения.

— Ужасное место, бабушка. Что, если тут такое будет происходить, и мы не сможем до тебя дозвониться?

— Ну! Тогда, может, вот возьмете, наконец, да и приедете.

Инна рывками застегивала ветровку.

— Надо что-то придумать для тебя, Рита. Чтобы ты не торчала дома все время. Вечером, наверное, заработает. Позвоним матери.

С уходом бабушки дремота, наполнявшая комнаты, исчезла. Квартира насторожилась. Часы тикали невпопад, половицы в коридоре стонали. Рита вышла из комнаты, включила свет на кухне, радио.

— В пятницу, 23 июня в Апрельске по прогнозам синоптиков будет облачно, без осадков.

— Без осадков! — Рита открыла холодильник, достала сыр, масло, молоко.

— Воздух прогреется в дневные часы от +22 до +28, в ночные часы от +16 до +18 градусов. Ветер западный, атмосферное давление Влажность воздуха

— Не то чтобы жарыща.

Светало быстро. Ветер дергал оконные рамы. Перед тем, как поставить чайник, Рита опять позвонила родителям. Попыталась. Ее мать работала на заводе, на окраине Старого города, и обычно отец отвозил ее, а потом уже сам ехал на работу. Рите хотелось услышать их голоса, рассказать им, наконец, о бабушке. Пусть б мама взяла хотя бы несколько дней за свой счет и приехала. Или купила билеты для Риты и бабушки — ее нужно обследовать, пока все не зашло слишком далеко. Она набирала номер, никто не брал трубку. Она набирала снова. И вдруг злость вскипела, обожгла ребра, Рита швырнула трубку старого аппарата.

— Ну и черт с вами! Трубка свесилась на шнуре, потом соскользнула с тумбочки и стукнулась об пол. Как будто в ответ на Ритин крик в гардеробе что-то проскребло по стенке и бабахнуло — свалились лыжи или что-нибудь еще. Осторожно, стараясь ступать неслышно, как последний из могикан, Рита подошла к гардеробу и прижала к двери ладонь. Дерево было теплым, и от этого как будто живым. Круглая стеклянная ручка повернулась, дверь открылась. На полу и на антресоли стояли обувные коробки, на вешалках висели куртки и пальто. Рита узнала свое малышовое пальто в сине-зеленую клетку, еще совсем хорошее; зеленая куртка дедушки, — старая, печальная, — тоже была здесь, висела на крючке. Рита раздвигала вешалки, вдыхала ароматы осени, старой шерсти, табака. Пальцы коснулись шершавого, мягкого: мамино зам-

шевое пальто. меховой воротник пах ее духами. Справа на полках стояли банки смородинового, клубничного варенья, темные, таящие глубокий рубиновый отблеск. Рита уже собиралась закрыть дверь, как сзади крикнула половица. Плотное тепло живого существа за ее спиной было так же ощутимо, как холод дверной ручки. Кто-то стоял позади Риты. Пахло табаком и бензином. Рита узнала, разгадала почти сразу: это был запах дедовой «Оки», которая не раз на рассвете, рассекая ледяной розовый воздух, мчала Риту с бабушкой в Москву или в Коломну. Она перестала дышать. Слушала, как дребезжит холодильник, а в животе то вспыхивал, то опадал едкий жар. обернулась — и в коридоре уже никого не было. Рита была одна. И часы все тикали, то умирая, то воскресая опять. Она облокотилась спиной о прохладную стену, трогала кончиками пальцев шершавые обои. Горло перехватило, внутри набухала боль, большая, как река, которая поднимается над плотиной, чтобы смыть ее и затопить город.

Свет, густые кроны кленов и ракич бросают на асфальт теневое кружево. То, что случилось несколько минут назад, все еще мучило Риту; в сухую апрельскую жару ее пробирал озноб. Не то чтобы она поверила, что в бабушкиной квартире водятся призраки.

«Я слишком долго не приезжала в Апрельск».

Но что значит долго? Лет семь или восемь? Надо спросить у мамы. Не у бабушки. Бабушка обидится, если Рита спросит. В общем, ясно, ее не было слишком долго. Время шло, в центре города поставили новую автостанцию, каждый год меняли скульптуру центрального фонтана, достраивали и перестраивали спортшколу. Но квартире на Речной годами ничего не менялось. Если от человека, когда он уходит в мир мертвых, остаются какие-то отпечатки, отражения, почему бы им жить в месте, где все всегда по-старому? Откроешь дверь гардероба — запахнет бабушкиной "Явой". Поднимешь трубку телефона — застрекочет голос какой-нибудь старой бабулиной подружкой. Дело не в призраках, конечно. Дело в оживающей памяти.

Она прошла мимо «Поплавка», маленького магазина на берегу, где бабушка Инна покупала молоко и хлеб. Почти у самой воды была припаркована машина с местными номерами, вцепился тонкими ножками в глину мангал. Две бледных женщины в ярких купальниках и девочка лет восьми плескались в воде неподалеку от берега. Время от времени купальщицы что-то кричали мужчине, сидевшему на низком складном табурете.

Зажав в губах сигарету, коренастый апрельчанин нанизывал облепленные луком куски мяса на стержни шампуров. Рита издали ощутила запах ядреного маринада.

— Я водяной! — девочка ныряла и в воде хватала женщин за ноги, — пап! Я водяной!

Женщинам ее игра явно не нравилась, одна из них наклонилась и что-то сказала девочке. Та стояла секунду, ошарашенная, потом, визжа и разбрасывая брызги, скачками вылетела на берег. Рита как раз поравнялась с мужчиной, когда девочка, дрожа, присела на корточки около таза с шашлыком. Она что-то сказала мужчине, испуганно заглядывая в глаза.

— А нечего на глубину лезть, — он зыркнул на женщин, волосатая рука снова нырнула в тазик с мясом.

— Они сказали, она меня утащит! Кто «она»? Разве может кто-то утащить тебя под воду? Водяные же ненастоящие! И феи, и дед Мороз, они все — ненастоящие!

Рита уже прошла мимо, когда мужчина рявкнул:

— Что ты мне мозги пудришь, Катя! Хотела купаться — купайся!

Рита обернулась, замедлила шаг. Девочка вскочила.

— Сам купайся! Сам плавай в этом сраной речке! Я хочу в Геленджик! А тут вообще купаться запрещено!

— Чушь! — сказал мужик. — Мы здесь всю жизнь купаемся.

Но это была не чушь, девочка Катя показывала отцу на погнутый знак, стоящий у берега. На знаке занес руку над волной черный пловец. Он был жирно перечеркнут красной линией.

Женщины, может, девочкины мама и тетка, смеялись. Рита хорошо помнила: раньше тут никакого знака не было. Не было, и зря: дно Сороки около Поплавка илистое, с ямами. Сейчас берег был пустой, неухоженный, но, когда Рита была маленькой, тут был пляж, сюда возили песок, и ямы никого не смущали. В девяностых летом от дороги тянулась вечная очередь к Поплавку; так и стояла открытка перед глазами: улыбки, панамки, мороженое; детский визг и плеск воды не утихали с утра до вечера. Все апрельчане знали, что дно здесь подлое, но никто не обращал на это внимания.

«Если утонешь, домой не приходи», — Рита не помнила, кто это сказал, обронил походя добрососедское напутствие.

Она ускорила шаг, пробормотала: — Ну его к черту, это купанье

Дорога свернула, река ушла далеко вправо. Впереди лежало блестящее, тихое-тихое Тихое. На противоположном берегу краснел замковый комплекс спортшколы, дугой изогнулось общежитие для спортсменов, одетое в сияние зеркальных панелей. Вдали лежали просторные квадраты футбольных полей.

Ритин берег был не такой роскошный. Слева от дороги тянулся местами повалившийся бетонный забор, к нему от дороги поднималась пирамида резиновых покрышек, выглядывавших из-под осыпающейся почвы. Над забором торчали белые остовы старых построек, бетонные сваи, ржавые прутья арматуры. Когда-то Апрельск был закрытым военным городком, и на месте развалин стоял авиастроительный институт; Ритин дедушка какое-то время работал здесь.

За институтом целилась в небо кирпичная труба котельной, где до сих пор работала бабушка Инна.

На первом повороте показалось желтое здание детского магазина. Погруженные в солнечный сон, на стенах его застыли в хороводе поблекшие медведи, волки и зайцы. Сразу за магазином Рита нашла маленький Дом творчества, сложенный из красного кирпича. Коврик газона по обеим сторонам от входа был густо укрыт мохнатыми одуванчиками.

Тут она остановилась. От стен тянуло холодом. Рита вспоминала, каково было в поезде общаться с Марком, как он упоминал мимоходом названия мест, и названия царапали слух и воображение. Как будто что-то значили. Как будто были знакомы и Рите. Вспомнила, какой отклик они вызывали: ощущение, что она сходит с ума. Летит вверх тормашками в гудящий колодез. Что, если друзья Марка – такие же? Что, если

— Это был просто фокус, — тихо сказала Рита. Она села в поезд усталая, не выспавшаяся, только после экзаменов; переживала о бабушке. Поэтому все было так странно или казалось странным.

Еще можно было пройти мимо апрельского Дома творчества, никто ее внутрь не толкал, но в Рите боролись страх и любопытство. И любопытство пересилило. Она толкнула дверь и вошла.

Дохнуло запахом влажной извести, на веки легла прохлада. Маленький холл. Серый свет, льющийся из окон, едва достигает лестницы. На широких подоконниках стоят пластиковые горшки с фиалками и разросшимся молочаем, недалеко от входа висит в раме под стеклом расписание. Рита подошла, спустилась взглядом по списку. Названия были написаны шариковой ручкой: кружок фотографии, баян, гитара, танцы, батик.

«Серьезно, столько кружков для такого маленького Апрельска?»

Изостудии в списке не было, как она ни искала, как ни перечитывала список.

Откуда-то сверху донеслись глухие щелчки. Рита пошла на звук, поднялась по широкой парадной лестнице, у ступенек были стертые, оплавленные края. На площадке между первым и вторым этажом стоял ряд бетонных кадок с засыхающими растениями. В узком прямоугольном окне, спускавшемся с первого этажа на второй, открылся вид на внутренний двор, занесенный песком. Сквозь грязное стекло виднелись настоящие дюны и островки мха, разросшегося, как

подводные водоросли. Рита одолела еще один марш и оказалась на балконе. За стенкой из зеленых стеклянных блоков открылся коридор. Правый «рукав» лежал во тьме и заканчивался черной дырой. Левый коридор вывел в неожиданно просторную, светлую и гулкую рекреацию. Невесомая пылевая вуаль посверкивает в воздухе, двери кабинетов идут в ряд, ни номерков, ни других отличий. Сухой, резкий щелчок раздался совсем рядом. Рита шагнула к ближайшей двери. В кабинете кто-то разговаривал, она не могла различить слов. Потянула ручку, и голоса тут же смолкли.

Кабинет был совсем не похож на школьный класс. Много свободного пространства, мягкий свет. Большое прямоугольное окно разделено на секции, как коробка акварелей. Пахнет краской и пылью. Парты составлены в центре кабинета, так что получился один большой длинный стол; он накрыт чем-то, похожим на старую штору. У стен стоят облупленные стеллажи с пластиковыми контейнерами на полках, вразброс свалены стопки разноцветных плиток. Рита вспомнила, как называется стекло, из которого складывают мозаику: смальта. На полу у окна она заметила несколько больших обструганных пней с привинченными к ним кусачками.

Удивительное место; вот он, вычеркнутый из списка кружок мозаичистов.

На учительском столе в дальнем конце просторного кабинета лежала забытая кем-то вязаная шапка, а у высоченного книжного шкафа громоздились как попало вырванные из него ящики, рядом — коробки, папки для документов. Пыль стояла в воздухе прозрачными слоеными облаками, поблескивала, как невестина фата. За последней партой кто-то прятался.

Рита шагнула вперед. Что-то, похожее на черный ком, закатившийся в угол, теперь развернулся. Выпрямился. Это был человек. Девчонка, на год или два старше Риты. Бледная, густо накрашена, губы пухлые, бескровные, почти белые. Нечёсанные волосы скручены в пучок на макушке. Девчонка была одета не по погоде – в черный пуховик и зимние ботинки на высокой платформе.

— Извини, — Рита встала спиной к доске и лицом к девчонке, — это же студия мозаики?

Девчонка пинками загнала картонные коробки в угол, лежащие на полу папки бросила на ближайшую парту.

— Была, — буркнула она, вытирая лоб предплечьем, — больше нет. Прикрыли лавочку, — она наклонилась и подхватила с пола рюкзак — И правильно сделали. Ты кто? Что тебе тут надо?

— Хотела найти студию мозаичистов. Я пару дней назад приехала.

— Да ладно! Откуда? — девочка приблизилась. От нее сильно пахло мятной жвачкой и мокрой одеждой.

— Из Автозаводска.

Девчонка пару секунд смотрела молча. Потом кивнула. Взгляд ее соскочил на преподавательский стол и она, как будто о чем-то вспомнив, подскочила к нему, выдернула ящик. По дну прокатился и стукнул о стенку огрызок карандаша.

— Вот гадство

Девчонка сгребла со стола шапку и снова повернулась к Рите.

— Ты опоздала. Но считай, повезло.

То, что девочка обыскивала кабинет, было странновато, но мало ли, как у них тут, в Апрельске, как у них тут, в студии, принято; но то, как она лихо расправилась со столом учителя, залезла в ящик, покорило Риту.

— Что ты ищешь?

Девчонка вскинула руки: — Свои картинки, что!

Она оказалась рядом, и Рита увидела: девчонке все-таки жарко, верхняя губа в росе пота.

— Хорошо, когда есть что-то, что может тебя защитить, — она смотрела Рите прямо в глаза, и взгляд ее карих глаз был пьяным, сонным. — Песня, вещь какая-то. Но лучше всего — картинка. Мои он украл!

Она затравленно огляделась, словно прощаясь с надеждой отыскать что-то в устроенном ей самой бардаке.

— Будь на стреме, как тебя там, зовут, я не знаю. Девочка, — она поморщилась. — Не ходи к Пэ-А, — она широко открывала рот, будто Рита была глухонемой, и погрешность артикуляции могла ввести ее в заблуждение. — Нельзя было показывать мозаику, — она схватила и трянула Риту за руку. Грубый электрический мороз продрал до костей. Рука девчонки была на ощупь как мясо из холодильника.

— Не ищи тех, кто может тебе что-то рассказать, девочка. Много будешь знать — мало будешь спать! Не ходи на Украину! И никогда не приходи больше сюда. Эта студия больше не работает.

Тут девчонка оттолкнула Риту и выскочила из кабинета. Слышно было, как тяжело бухают по лестнице громоздкие ботинки.

Рита стояла, оцепенев. Ни одной мысли не было в голове. Посверкивали, встревоженными движением, слои пыли. Наконец, глаза заслезились, рот растянул отчаянный зевок. Рита потерла лицо руками.

«Много будешь знать — мало будешь спать».

— Чего еще? — пробормотала Рита. — Чушь какая

Надо было уходить из мастерской, хотя бы для того, чтобы ей не приписали погром, но Рита, все еще зевая, приблизилась к столу. К общему столу, не преподавательскому. Любопытно было узнать, что лежит там, под серой тканью, похожей на штору или большое серо-белое, в темных пятнах, покрывало. Хотелось увидеть мозаику, которую никому нельзя показывать.

Рита закрылась предплечьем от пыли и широко откинула край полотна. Взгляду открылась столешница плотно притиснутых парт, большой картон, на нем — набросок мозаичного ковра. «Бывший» набросок. Картон был испорчен, будто на него вылили воду из кувшина; от набора осталось только цементное крошево и, кое-где, цветные брызги смальты. Рита стояла, пока не разобрала фрагменты бывшего узора: глаз, крыло, рисунок древней стены.

Кто мог уничтожить такую большую работу, которая, по всей видимости, была едва начата? Черт их разберет, сумасшедших апрельчан

Тень и холод помещения превращали кабинет в прозекторскую. Постояв еще немного, Рита накрыла шторой разбитые глаза и города вышла из мастерской.

Дома, на Речной, все еще было беспокойно. Половицы постанывали, как будто кто прогуливался невидимкой по коридору; в потолок, — будто кто развлекался на чердаке, — раз за разом бил и долго катился шарик. Радио на кухне работало с перебойми, голос ведущего бормотал почти без пауз, будто он, устав принимать звонки, бесконечно молился в прямом эфире о чем-то своем.

Рита закрылась в комнате деда, задернула шторы так, чтобы только узкая полоса света ложилась на ковер. Забравшись на диван с ногами, она терла, грела руку, покрывшуюся «гусиной кожей», но мурашки так и не исчезали

«Сумасшедшая», — думала Рита про девочку из Дома творчества.

В нижних тумбах книжного шкафа она нашла свои детские альбомы с рисунками. Там оставались пустые страницы и, чтобы отвлечься, Рита переместилась за письменный стол деда, разложила над альбомами найденные огрызки карандашей и цветные ручки. Жуткая щекотка в животе жужжала: рисуй, рисуй. Рита набросала шариковой ручкой бабушку, новую детскую площадку в росчерках ивовых ветвей, Марка, как тот сидит, уткнувшись в телефон. «Змейка», — подписала последний рисунок.

Она прикрепила рисунок к стене над диваном, как делала дома, в Автозаводске, если случалось нарисовать что-то стоящее. Дедушкина комната стала еще чуть больше «ее».

Около восьми вечера домашний телефон заработал. Бабушка Инна дозвонилась до Ритиных родителей, и это был очень странный разговор. Когда та сказала, что Рита ходила гулять, мать раскричалась. Рита даже не стала выходить из комнаты, подслушивала через дверь. Бабушка так же сообщила, что ни за что на свете не поедет в Автозаводск.

Мать еще что-то сказал; бабушка Инна, очевидно, в ответ на сказанное, заявила дочери, что та — тюремщица. Потом бросила трубку.

Рита после вышла к ней на кухню, Инна сидела за столом несчастная, разбитая. Уставилась в сканворд, но в упор его не видела. Рита спросила ее, почему они с матерью поссорились.

Инна подняла голову: — Она ведь нам не звонила? Ну, так позвонила я. Сказала, что у нас все хорошо. Сказала, ты погуляла немного. «Ну, и она сказала, что я — Инна утерла рот знакомым нервным жестом», — сказала, я совсем не слежу за тобой.

Инна смотрела на Риту обеспокоенно, изучающе:

— Где ты была? Куда ходила сегодня? Ты что, делала что-то плохое?

Собираясь в Апрельск, Рита знала, что мать будет против ее одиноких прогулок. Хотя они не раз это обсуждали, хотя мать сама отпустила ее.

— Мне уже не семь лет, она не может заставить меня сидеть в четырех стенах все лето.

— Ну да, да, и все-таки? Ты уходила без меня?

— Я ничего плохого не делала, бабуль. Дошла до дома творчества, чтобы посмотреть кружки.

Рита и Инна решили, что Ритиной матери не обязательно знать об «одиноких прогулках»; решили, что Рита гуляет по Апрельску аккуратно, и только в людных местах. Даже лучше вообще не заглядывает дальше центра. Про Марка Рита все еще не говорила бабушке Инне; все еще неясно было, увидятся ли они до Ритинового отъезда хоть раз.

Той ночью Рита видела странный, тревожный сон. Видела серебристо блестящие рельсы. Свистел ветер, грохотали колеса. Сквозь белую, мертвую зиму, летел поезд. От внешней смертоносной стужи пассажиров защищали печки, которые топились в голове вагонов. Хвост поезда уже был мертв, тамошние печи замерзли и покрылись ледяной коркой. Вместе с бабушкой Рита выбралась из остывающего вагона. Они пробирались сквозь состав в поисках свободного купе в каком-нибудь из отапливаемых вагонов. Воздух наполняла дрожь железа, лязг сцепок. Дверь за их спиной распахнулась. Белый пар потек над ковровыми дорожками. Дверь тамбура лязгнула, и показался проводник, только одет он был почему-то в водолазный костюм: окошко огромного шлема треснуло, резиновый шланг тащился по полу. Он совсем ооченел и двигался с трудом. Бабушка дернула Риту вперед, та споткнулась, оглянулась снова и встретилась взглядом с Водолазом.

Бабушка тянула Риту вперед; пришлось собрать силы и бежать, нестись сквозь состав, хотя ноги подгибались от ужаса. Рита все спрашивала бабушку, закрыл Водолаз за собой дверь? Бабушка говорила, что, конечно, закрыл. Сказала так: «некоторые из нас работают там, снаружи, и одеваются в специальные костюмы, чтобы не замерзнуть». Там, снаружи, объясняла бабушка, ничего нет, а ведь нужно иногда что-то починить, подлатать обивку вагона, чтобы холод не проник внутрь.

Они задерживались у дверей купе, и бабушка Инна прикладывала ладонь к дверной створке, чтобы проверить, топится ли вагон. Водолаз, шаркая, плелся сзади. Слышно было, как он подволакивает ногу, как звенят ключи в его руке. Его лицо было покрыто инеем, но живые глаза все еще двигались в исходящих паром глазницах. Связка ключей в его правой мерно звякала. Ключом, похожим на трубочку, он отпирал двери тамбуров.

«Отравился холодом», — сказала бабушка, и они все бежали, бежали вперед.

А потом бабушка вдруг исчезла. Рита звала ее, но та не откликалась. В коридоре становилось все холоднее: видимо, проводник все-таки не закрыл за собой люк, здесь больше нельзя

было оставаться. Рита толкнула ближайшую дверь в купе и оказалась в жарко натопленной комнатке. Сидя на нижней полке, там грелись женщины, с ног до головы укутанные в платки. Остальные полки были свободны. Рита села рядом с ними. От стены напротив шел жар, за ней находилась бойлерная. У женщин по лицам текло из-под платков, так им было жарко. Одна из женщин сказала непонятное: «жар костей не ломит».

Водолаз шаркал совсем рядом. Рита уже знала: если он войдет, то заразит холодом всех вокруг, и тогда и сама Рита, и эти укутанные исчезнут, изойдут белым паром. Что-то с дребезгом упало на пол: это проводник-водолаз уронил ключи. Не в силах поднять их, он мучительно царапался в последнюю запертую дверь.

Становилось все холоднее. Печь, отапливающая вагон, быстро остывала. Чтобы не сойти с ума от страха, Рита достала из кармана фломастеры, которые нашла днем в ящике дедушкиного стола. Не обращая внимания на женщин, которые уже не двигались, не бубнили, а постепенно примерзали к стене, она нарисовала на горячей белой стене: дома, реку и мост через реку, высокий холм с россыпью построек.

В купе потянулся запах цветов и чистый йодистый дух морской водоросли. Горячий ветер дунул в лицо. Рита встала коленями на сиденье и, ухватившись за гладкие перила моста, протиснулась сквозь мягкую стенку купе — в летний полдень побережья. Выбралась на каменный настил.

Победила, спаслась! Она оглянулась: дверь купе отъехала в сторону. Дыхание безрукого Водолаза заморозило самый последний вагон.